

18+

Аделя Тинчурина

**Там, где
спят
бабочки**

*Легенда
о дочери леса*

Аделя Тинчурина
Там, где спят бабочки.
Легенда о дочери леса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73517518

ISBN 9785006948938

Аннотация

Каждую ночь Элиана выпускает из своего сердца хрустальных бабочек, отправляя их людям, чтобы они могли видеть прекрасное в своих снах. По другую сторону – Кай, юноша, который не верит ни в чудеса, ни в добро. Их встреча нарушает древний порядок: сны становятся реальнее самой жизни, в королевстве сгущаются тени, а в глубине леса пробуждается сила, способная разрушить всё, что Элиана когда-то создала. Но что останется, если исчезнут сны?

Содержание

Тем временем на юге	72
Раннее	124
Сейчас	125
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Там, где спят бабочки

Легенда о дочери леса

Аделя Тинчурина

© Аделя Тинчурина, 2026

ISBN 978-5-0069-4893-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И Те, кто спят

«Сон – это не отдых.

Это время, когда свет учится бороться с тенью и ещё не знает, кто победит.»

Пролог

В маленьком каменном доме у опушки леса тёплый свет свечи дрожал на стенах, а за окном шептали ветви. Женщина поправила одеяло на сыне, пригладила его вихры и улыбнулась:

– Ну что, маленький мой, сказку перед сном?

– Про бабочек, – сонно попросил мальчик.

Она глубоко вдохнула, словно сама собиралась шагнуть в старую, как мир, историю.

– Когда-то, в самом начале, мир был пустым и тяжё-

лым. Ночи были тёмные, как холодный камень, и люди спали без снов. Просыпались они уставшими, словно прожили ещё одну жизнь во мраке. Их сердца черствели, а души становились тяжёлыми. Тогда сама земля, великая Мать всего живого, вздохнула над страданиями. Из её дыхания родились первые бабочки. Их крылья были прозрачны, как лёд, и нежны, как лепестки цветов после дождя. Они приносили людям сны, лёгкие картины надежды и грёз.

Мальчик приподнялся на подушке, в глазах отражался огонь свечи.

– А кто выпускает бабочек?

Женщина погладила его по щеке.

– Говорят, в самых глубоких чащах лесов живут не люди и не звери – создатели снов. Никто не знает их лиц и имён. Никто не видел их близко. Но именно они каждую ночь открывают ладони, и из их пальцев, как из прозрачных кристаллов, вспархивают бабочки. Они сияют мягким светом: розовым, небесным, молочным. Они приносят радость, тепло и добрые сны. Другие же рождаются в тени и несут кошмары. Никто не знает, откуда берётся их тьма, но без них мир был бы неполным. Свет и тьма идут рядом.

– А если бабочка не прилетит? – спросил мальчик шёпотом.

Женщина на миг умолкла, и только лес за окном зашумел громче, будто сам хотел ответить.

– Говорят, что когда человеку не снятся сны, в его сердце

поселяется пустота. А пустота – это хуже, чем кошмар. Пустота – значит смерть.

Мальчик прижался к матери, глаза его начали слипаться.
– Но ведь у нас они прилетают, правда?

Женщина кивнула и прошептала, будто боялась, что кто-то подслушает:

– Наш лес добрый. Дети всегда видят самые красивые сны. Значит, создатель где-то рядом.

Мальчик заснул с улыбкой, а мать ещё долго сидела, глядя в окно, где тьма становилась гуще, а среди ветвей будто мелькнул светящийся крылатый силуэт. Женщина тихо поднялась с края кровати и наклонилась, чтобы поцеловать его в лоб. Свеча догорала, оставляя на стенах золотистые пятна. Она медленно подошла к окну и, словно по привычке, открыла ставни. Холодный ночной воздух коснулся её кожи, и комната наполнилась шёпотом леса. Листья шевелились будто от чужого дыхания, и где-то в глубине ветвей промелькнул крошечный свет. Он вспыхнул и тут же исчез словно игра воображения.

Женщина задержала взгляд в темноте и шепнула почти неслышно:

– Береги его...

Лес ответил ей долгим вздохом ветра, который прошёл по крыше, по траве и по реке за поселением. Она не знала, услышал ли кто-то её слова, но почему-то почувствовала – да. Закрыв ставни наполовину, женщина оставила узкую

щель. В неё струился серебряный свет луны. Она погасила свечу и, уходя, обернулась: мальчик спал спокойно, а за окном всё ещё мерцала крошечная точка – лёгкий, едва заметный свет бабочки, что задержалась у его окна. Только из открытого окошка пробивался лунный свет, и в этом серебряном сиянии вдруг мелькнуло движение.

Внутри скользнула бабочка. Она светилась нежным, почти прозрачным сиянием, словно была соткана из хрустальной росы. Её крылья переливались тонкими оттенками розового и голубого, а по краям мерцали крошечные искры, похожие на пыльцу. Бабочка летела медленно, будто время для неё текло иначе. Она кружила над мальчиком, словно выбирая мгновение. И, наконец, коснулась его лба. В тот же миг её свет мягко проник в кожу, растекаясь тонкими волнами по его лицу, по закрытым векам. Его губы дрогнули в улыбке, дыхание стало ещё спокойнее. На какое-то мгновение казалось, будто сам ребёнок светится изнутри, а потом свет угас, оставив лишь лёгкую улыбку на его лице. Но крошечная искра, последняя, едва заметная пылинка света поднялась в воздух. Она дрожала, словно не желала исчезнуть, и медленно уплыла к окну. Проскользнув сквозь узкую щель ставен, искра растворилась в ночи. Женщина стояла у дверей и смотрела, не смея вздохнуть. На миг ей показалось, что лес за окном стал ещё тише, словно тоже наблюдал за ребёнком.

Она тихо выдохнула и, прикрыв дверь, ушла. В комнате стало темно, но над спящим мальчиком всё ещё витала ти-

шина, похожая на защитное крыло. А где-то глубоко в лесу древние деревья шелестели ветвями, будто отвечая. В следующее мгновение не осталось ничего, кроме едва заметного следа сияния, похожего на крошечный лучик рассвета.

Глава 1

О дне, когда свет покинул корону

«И тогда корона стала тяжелее: не от золота, а от пустоты, что поселилась в ней»

– Время не ждёт, – сказал король тихо, но слова его эхом разошлись по залу. – Я чувствую, как мои дни сокращаются.

– Отец, не говорите так. – Эрвин поднял голову, в его глазах мелькнула боль.

Эдгар улыбнулся слабо, почти незаметно.

– Истину не спрячешь, сын. Корона должна перейти дальше.

Деймар сделал шаг вперёд.

– И я приму её, – сказал он, но в его голосе была едва заметная дрожь. Заметив это, парень сжал кулаки.

Король посмотрел на него долго, словно хотел разглядеть не внешность, а душу.

– Корона не только власть. Она – тяжесть. Ты должен помнить: народ – не войско, и не золото. Народ – дыхание королевства.

Деймар кивнул. Эрвин тихо добавил:

– Народ ждёт тепла, отец. Им нужны не только законы, но и надежда.

Король закрыл глаза на мгновение, будто устал от слов обоих. И тишина снова упала на зал, как покрывало.

Королевство Арвенн называли «землёй камня и света». Его стены были нерушимы, дороги уходили во все стороны, связывая дальние деревни и города. Оно держалось на трёх опорах: на торговле, что текла реками и караванами; на армии, чьи знамена знали даже соседи за горами; и на вере людей, что при короле Эдгаре всё держалось в равновесии.

Эдгар правил сорок с лишним лет. Он был королём, чьё слово ценили больше золота – справедливым и рассудительным. Его любили крестьяне, уважали советники, боялись враги. Но годы сгибали его спину, а кашель, не отпускавший его долгими ночами, делал шаги всё тяжелее.

Во дворце не говорили прямо, но все знали: время уходит. Слуги шептались в коридорах, придворные вздыхали, глядя на пустующий взгляд короля, и всё чаще звучало одно имя – Деймар.

Деймар был старшим сыном, наследником без выбора. Он рос в строгости, каждый день его жизни был распisan уроками, тренировками, речами о долге. В его взгляде не было мягкости: глаза напоминали сталь, холодную и неподвижную. Советники уже начали склоняться к нему – боясь, но и готовясь к новой власти.

Младший сын, Эрвин, был другим – он рос свободнее, его не давили грузом трона. Он слушал сказки, ходил в лес, разговаривал с людьми. В нём была мягкость, которую многие

считали слабостью. Но народ в городах и деревнях любил его сильнее, чем старшего брата. Люди говорили: «С Эрвином Арвенн стал бы ближе к нам, простым».

Однако правила были непреложные: старший наследует трон.

И потому весь Арвенн жил в ожидании. На улицах торговцы продолжали кричать, дети смеялись, кузнецы били молотами по наковальням, но под этой жизнью текла тишина тревоги. Все знали: скоро умрёт старый король. И вместе с ним уйдёт та эпоха, где правду можно было найти даже в тронном зале. С его смертью начнётся правление Деймара. И никто не знал, что принесут эти годы – порядок или жестокость.

Сумерки окутывали замок. В коридорах горели факелы, каменные стены хранили прохладу, а за окнами вечерний город мерцал огнями: внизу шумели рынки, с окраин доносились песни и собачий лай.

В покоях Деймара было тихо. Всё здесь было упорядочено: оружие висело на стене ровными рядами, книги о тактике и законах стояли в шкафу, на столе не лежало ничего лишнего.

Эрвин вошёл без стука, как делал всегда. Его шаги были мягкими, и он словно сразу нарушил строгий порядок этой комнаты.

– Ты слишком торопишь отца, – сказал он спокойно, садясь на край стола. – Его слова сегодня... они были тяжёлые.

Деймар даже не обернулся. Он смотрел в окно, на город

под собой.

– Отец стар.

– Он мудр, – возразил Эрвин тихо. – В мудрости сила не меньше, чем в молодости.

Деймар резко повернулся, и в его взгляде сверкнуло раздражение. Иногда Деймар думал, что если бы он родился не наследником, он стал бы другим человеком. Может быть, мягким. Может быть, живым. Он завидовал Эрвину не из ненависти, а потому что тот умел смеяться так, будто жизнь ничего у него не отняла. А у Деймара отняли всё ещё до того, как он стал понимать, что можно жить иначе.

– Ты всегда думаешь о мягкости, о песнях, о людях. Но люди – это толпа. Толпой правят страхом и силой, иначе она растопчет сама себя.

Эрвин выдержал его взгляд.

– А я верю, что толпой можно править верой и добротой.

Братья смотрели друг на друга долго, словно между ними лежала не просто разница взглядов, а целая пропасть. Деймар первым отвернулся, взял с полки кубок и наполнил вином.

– Ты слишком наивен. Если бы трон был твоим – Арвенн бы сгорел.

Эрвин встал, улыбнулся с печалью.

– А если он будет твоим – Арвенн может замёрзнуть.

Он развернулся и вышел, оставив брата одного в тени факелов. Деймар долго стоял у окна, сжимая кубок в руке, по-

ка стекло дрожало от его пальцев. Оставшись один, наследник медленно провёл пальцем по краю кубка. Вино качалось, отражая огонь факела, и в этом отражении ему почудился отблеск детства. Он знал: Деймар его ненавидит, но где-то глубоко внутри себя Эрвин всё ещё видел того мальчика, который защищал его на тренировках. И каждый раз, когда брат говорил холодно или слишком резко, Эрвин чувствовал не злость, а потерю. Как будто он медленно теряет последнего человека, который был частью их семьи.

В высоком зале Совета за длинным столом сидели приближённые короля: старый канцлер, седобородый воевода, казначей с сухим лицом и ещё несколько советников, каждый из которых больше дорожил своим положением, чем истиной.

Король Эдгар отсутствовал, ему было тяжело подняться с ложа в этот день. Совет вёл Деймар. Он сидел во главе стола, его руки спокойно лежали на подлокотниках кресла, взгляд холодно скользил по лицам присутствующих.

– Время перемен, – сказал он ровно, и его голос разнёсся по каменным стенам. – Король болен. Королевству нужна твёрдая рука.

Казначей кивнул торопливо.

– Казна стабильна, но... люди шепчутся. Они чувствуют слабость.

– А соседи за горами уже наводят справки, – добавил воевода. – Войска нужно держать в готовности.

Деймар слушал, но взгляд его был отстранённым. Он словно видел не эти лица, а что-то иное, скрытое за их словами.

– Армия будет готова, – сказал он наконец. – Но война – не всегда клинки. Иногда оружие куда тоньше.

Советники переглянулись. Тишина затянулась. Никто не решился спросить подробнее. Деймар откинулся в кресле, позволяя словам остаться в воздухе. В их глазах он видел сомнение, но и интерес – маленькое зерно, которое он посадил. Оно прорастёт.

Когда Совет разошёлся, зал опустел. Огни факелов трепетали в нишах, отражаясь на каменном полу, и звук шагов Деймара одиноко гулко отдавался под сводами.

Он не спешил уходить. Ему нравилось это чувство – сидеть во главе стола, в тишине, где недавно звучали чужие голоса. Всё в этом зале принадлежало ему ещё неофициально, но уже неоспоримо. Когда Деймар был маленьким, каждое его утро начиналось с вопроса, который никто не произносил вслух: «Достаточно ли ты хорош, чтобы стать королём?» Он рос в комнате, где не было игрушек – только книги, планы битв и голос отца, требующий стойкости. Мать любила его, но её любовь была как измерение – в ней всегда была норма, которой он должен соответствовать. И потому Деймар научился улыбаться только тогда, когда чувствовал, что сделал всё идеально. Другой любви он просто не знал.

Он встал и медленно прошёл вдоль стола, останавливаясь

у каждого кресла. На секунду коснулся спинки того, где сидел канцлер, затем воевода, затем казначей.

– Все вы нужны мне, – произнёс он тихо, так, будто обращался к пустоте. – Но ни один из вас не поймёт, что я собираюсь сделать.

Он поднялся на возвышение, где стоял трон – временно пустой. Трон отца. Сел, положив руки на подлокотники. Камень был холоден, но внутри его расплзлось тепло, словно трон принимал его, признавал.

В его голове снова вспыхнул образ бабочки – сияющей, как та, что он видел в детстве. Только теперь её крылья были чёрными, будто сотканными из тени.

Скоро. Совсем скоро. Томный голос шептал ему на ухо. Ночью, когда Деймар засыпал ему виделись темные силуэты одной и той же женщины. Она показывала ему, как все люди Арвенна засыпают – и просыпаются с мыслями, которые он вложил им в сны. Как крестьяне видят светлые образы и работают с покорностью. Как воины во сне слышат его голос и просыпаются с жадной битвы. Как советники верят в то, чего он требует.

Это будет власть, которой не было ни у одного короля до тебя. Власть над тем, что скрыто глубже всего – над душами.

Его губы изогнулись в тонкой улыбке. И в этот миг Деймар почувствовал – корона уже почти на его голове. Когда женщина говорила с ним, её голос напоминал то, чего он никогда

не получал от отца и матери – признание. Она не требовала от него быть лучшим, не сравнивала с братом, не смотрела с укором. Она просто принимала его злость, его холодность, его резкие слова, как будто именно такими и должны быть короли. И от этого внутри него что-то дрогнуло: он впервые услышал, что он – уже достаточный. Именно так ломаются сильные люди, когда им впервые дают то, чего им всю жизнь не хватало.

Комната короля была полутёмной. Тяжёлые шторы закрывали окна, и только свечи мерцали у изголовья. Воздух пах лекарственными травами, и каждое дыхание старого правителя было слышно слишком отчётливо – натужное, прерывистое.

Эдгар лежал на постели, его руки были сухими и дрожащими, но глаза оставались ясными. Он смотрел на Деймара, который стоял рядом, прямо, словно перед строем солдат.

– Сын, – начал король хриловато, но твёрдо. – Я правил долго. Дольше, чем многие из моих предков. И всё это время я понимал одну простую вещь: королевство живо, пока жив народ.

Деймар кивнул, но взгляд его был неподвижен, холоден.

– Ты силён, – продолжал Эдгар. – Ты умнее многих. Но сила без милости – это не правление, это тирания. Народ не простит того, кто правит только страхом.

– Народ уважает силу, – возразил Деймар тихо, но резко. – Слабость они презирают.

Эдгар закрыл глаза на мгновение, будто устал от этих слов.

– Сила нужна, чтобы защищать. Но если она становится орудием, чтобы ломать – она пожрёт тебя самого.

Молчание повисло между ними. Деймар склонился ближе, и в его глазах блеснула печаль.

– Отец, ты будешь гордиться мной. Ты видел как я старался быть тем, кто однажды займет твой пост. Я обещаю... я справлюсь.

Деймар выпрямился, лицо его было непроницаемо. Но в груди его уже пульсировала мысль женским голосом: *он не понимает. Он никогда не поймёт. Его время прошло. Твое только начинается.*

Эдгар, чувствуя в сыне чужую тень, всё же добавил, почти шёпотом:

– Береги Эрвина. Он – твой брат, не твой враг.

Деймар еле заметно кивнул.

Свечи колыхнулись, и комната снова погрузилась в тяжёлую тишину, в которой у каждого из них было своё видение будущего.

Колокола били медленно и глухо. Их тяжёлый звон разносился по улицам столицы, заставляя людей останавливаться и склонять головы. В каждом ударе слышалось прощание – старый король Эдгар покинул этот мир.

Дворцовые ворота были распахнуты, и траурная процессия тянулась через всю площадь. Люди несли свечи, жен-

щины плакали, мужчины молча склоняли головы. Эдгара помнили как справедливого правителя: он не жаждал войн, умел слушать советников и заботился о простом народе. Даже бедняки на окраинах города знали – пока жив король, в их домах будет хоть крошка хлеба. Но теперь его больше не было. Гроб, покрытый тёмным полотном с гербом королевства – золотым деревом на чёрном фоне, – медленно опускали в землю. И в этот миг над толпой нависла тишина. А рядом стоял Деймар. В чёрном плаще, с высоко поднятой головой, он смотрел прямо перед собой. Его глаза были мокрыми, но он продолжал сдерживать слезы.

Когда траур закончился, во дворце зазвучали трубы. Люди собрались снова, теперь уже на церемонию восхождения. Деймар шагнул к трону, обитому красным бархатом. Его шаги гулко отдавались под сводами зала. На миг он задержался у ступеней, бросил взгляд на зал, полный придворных, советников и стражи.

– Король мёртв. Да здравствует новый король, – произнёс главный жрец, возлагая на его голову корону.

Толпа ответила в один голос:

– Да здравствует!

Но в этом крике не было радости. В нём звучала необходимость, обязанность.

Когда корона коснулась его головы, Деймар на миг вспомнил руки матери, прохладные, пахнущие чем-то горьким и тёплым одновременно. Она умела успокаивать его од-

ним прикосновением, но никогда не позволяла расслабиться. «Стойкость – твоя кость», – говорила она. И именно в этот миг, на троне, он понял: если бы она была жива, она бы не улыбалась. И, возможно, он не стремился бы так отчаянно доказать всему миру, что умеет править без неё.

Деймар сел на трон. Его пальцы сжали подлокотники, и глаза блеснули алым огнём, не от свечей, а от чего-то глубже. В этот миг он стал хозяином королевства. И каждый, кто посмотрел на него, понял: с этим днём всё изменилось.

Ветер за окнами завыл сильнее. Лес, стоявший на границе владений, будто тоже услышал колокола.

Деймар сидел на троне, и корона, казалось, легла на его голову не как тяжесть, а как продолжение его собственного тела. Он ждал этого момента всю жизнь. С детства его учили держать спину прямо, говорить уверенно, не показывать сомнений. Он шаг за шагом строил в себе короля, и теперь наконец стал им.

Зал гудел, но для него все голоса сливались в один глухой шум. Он не слышал ни советников, ни придворных, что склонялись в поклоне. Он слушал только биение своего сердца и чувствовал – это биение теперь принадлежит не только ему. Это был ритм всего королевства.

Теперь ты решаешь, кто будет жить, а кто умрёт. Кто получит хлеб, а кто останется голодным. Кто станет другом, а кто врагом. Это твоя игра.

Он перевёл взгляд на карту, висевшую на стене зала. Ли-

нии границ тянулись, как вены. Столица сияла золотым кругом, но вокруг неё было слишком много пустоты. Деревни, поселения, города других королевств – всё это манило, всё это казалось ему недоделанной картиной.

Твой отец был слаб. Он довольствовался тем, что имел. Но ты... ты не станешь ограничиваться. Мир создан для того, чтобы его держали в руках. И эти руки – твои.

Его взгляд упал на окна, за которыми виднелись башни столицы. Там, за их пределами, шумел народ. Они кричали его имя, но он знал – в их голосах нет верности. Верность можно купить страхом и силой, а не одними словами.

Скоро они узнают, что такое настоящий король

В этот миг в зал вошёл капитан стражи и склонился в поклоне.

– Ваше величество. Вора доставили.

Деймар слегка наклонил голову, и в его глазах блеснуло нетерпение.

– Хорошо. Пусть подождёт. У меня для него будет особый разговор.

Он откинулся на спинку трона, и корона зазвенела о золото. В этот миг зал, свечи, люди вокруг – всё стало для него лишь частью большой шахматной доски. Он чувствовал себя хозяином всего мира, и это ощущение сладко тянуло его изнутри.

– Ты выглядишь так, будто наконец получил игрушку, о которой мечтал, – прозвучал голос у входа.

Деймар резко поднял взгляд. В проёме стоял его младший брат, Эрвин. Тот был моложе всего на два года, но между ними всегда зияла пропасть. У Эрвина не было той хищной хватки, которая жила в каждом движении Деймара, зато в его взгляде всегда читалось спокойствие – и это бесило нового короля сильнее всего.

– Игрушку? – губы Деймара скривились в усмешке. – Это трон. Это власть. Это королевство, которое теперь принадлежит мне.

Эрвин медленно прошёл вперёд, шаги его гулко отдавались по мрамору.

– Королевство принадлежит не тебе, брат. Оно принадлежит народу. Мы должны служить ему, а не играть жизнями людей.

– Служить? Деймар усмехнулся, но усмешка быстро исчезла. – Ты говоришь так, будто это что-то простое. – он провел ладонью по лицу, словно стирая усталость. – Отец тоже верил в это. И каждый раз, когда он сомневался... каждый раз, когда откладывал решение, я видел, как власть уходит у него из рук.

Он замолчал. Слова довались тяжело.

– Я не хочу все время оглядываться, – продолжил он тише, – не хочу бояться, что одна ошибка сделает меня таким же. Слабым, уставшим, одиноким.

Эрвин сжал кулаки.

– Его любили.

– Любили, – повторил Деймар, и в этом слове не было уверенности, – да, пока он был удобным.

Он сделал шаг вперед, слишком резко, будто испугался самого себя.

– А когда стало трудно? Он остался один. Даже мать ушла. – Деймар отвернулся, не глядя на брата. – Я не знаю как правильно, Эрвин. Но я знаю, как не хочу. Я не выдержу если все развалится у меня на глазах. – он резко замолчал, словно понял, что сказал лишнее. – Я просто... – он запнулся, – не позволю, чтобы корона стала чьим-то приговором.

Последнюю фразу он произнес почти шепотом, как просьбу, обращенную к самому себе.

Эрвин ответил не сразу. Он смотрел на брата так, будто впервые его видел без короны, без привычной резкости.

– Мама не ушла, – сказал он наконец. Голос его был тихим. – Она просто не выдержала всего. – он сглотнул. – Она всегда боялась, что мы станем... не знаю. Она не говорила об этом...

– А я думаю... – ответил Деймар спустя время, поджав губы, – что она испугалась, что мы станем сильными ценой всего остального. Мы никогда не узнаем, зачем она это сделала.

Тишина повисла тяжёлым грузом. Лишь где-то вдалеке гулко ударили часы.

Эрвин отвернулся, но на миг задержал взгляд на короне брата. И в этом взгляде читалось всё: тревога, решимость

и тень будущего сопротивления. А Деймар уже снова уселся на трон. Для него разговор был окончен.

Когда двери зала захлопнулись за его спиной, Эрвин остался один в длинном коридоре, освещённом факелами. Он шёл медленно, не слыша шагов, хотя каменный пол гулко отзывался под его сапогами. Слова брата ещё звенели в ушах, и от них невозможно было отмахнуться.

Он всегда знал, что Деймар жаждет власти, но понял, что дело не только в ней. Ещё мальчишкой Эрвин видел, как брат рвался во всё быть первым: в военных играх, в охоте, даже в учёбе. Тогда это казалось обычным соперничеством, но теперь он понял – Деймар никогда не хотел просто победы. Он хотел обладать всем.

Эрвин остановился у высокого окна. За стенами замка внизу лежал город: мерцали огни, слышались отголоски песен из таверн, пахло дымом костров. Люди жили, радовались, работали. Для них смерть короля стала тяжёлым событием, но они верили, что новый правитель сохранит покой. *А он знал, что этого покоя не будет.*

Он вспомнил отца. Эдгар никогда не был мягким человеком, но всегда оставался справедливым. «Король – это не хозяин земли, – говорил он сыновьям, – он её хранитель. Земля и люди даны нам на время, а не в собственность». Эти слова въелись в память Эрвина, стали его личным законом.

В отличие от брата, он не мечтал о короне. Его тянуло к книгам, к картам, к истории. Он мог часами слушать ста-

рых воинов и летописцев, расспрашивая их о том, как жило королевство десятки лет назад. Для него важно было знать – *как сохранить*, а не *как захватить*.

Иногда ему казалось, что именно поэтому мать относилась к нему иначе: не давила, не требовала, позволяла выбирать занятия самому. Возможно, она просто понимала, что трон никогда не станет его судьбой.

Но теперь, когда Деймар взошёл на престол, Эрвин впервые задумался: может, именно ему придётся однажды встать против брата? Он отогнал эти мысли и закрыл глаза. В груди закололо чувство, похожее на предательство. Ведь он любил брата. Где-то в глубине души он помнил мальчика, который когда-то делился с ним последним яблоком и защищал от насмешек. Он будем верить ему.

– *Отец... что мне делать? Лучше бы умер я...* – прошептал Эрвин в тишину.

Ответа не было, только огонь факелов колыхался на стенах, словно тоже тревожился о будущем.

Эрвин глубоко вдохнул и пошёл дальше. В его сердце поселилась решимость: наблюдать.

На следующее утро Эрвин отправился в город. Он не любил парадные выезды с охраной, блеском и фанфарами – предпочитал надевать простую серую накидку и идти пешком, так его меньше замечали.

Узкие улочки встречали запахом свежего хлеба, дымом из печей, криками торговцев. Дети носились меж лавок, жен-

щины переговаривались на ступенях домов, старики спорили у колодца о цене зерна. Эрвин останавливался то тут, то там, слушал, задавал вопросы.

– *Господин, цена соли опять подскочила, – пожаловался торговец с корзиной. – Неужели новый король обратит внимание на бедных?*

Эрвин кивнул, не называя имени.

– *Я передам ваши слова. Важно, чтобы вас слышали.*

Он не обещал невозможного, но люди ценили сам факт: молодой мужчина с внимательным взглядом не проходил мимо.

Пока он шёл, в памяти всплывал образ матери. Её звали Алея, и она никогда не была похожа на придворных. Мягкие тёплые руки, красивые глаза, спокойный голос. Она редко говорила громко, но если говорила – слушали все. У королевы была какая-то внутренняя лёгкость, ощущение, будто она стоит одной ногой в другом, более светлом мире. Говорили, она видит яркие сны, что её сны сбываются. Никто не знал, правда это или нет, но все знали другое: в день её исчезновения не было ни следов, ни свидетелей, ни звука. Она просто вышла за порог покоев, и больше никто её не видел.

С самого рождения Деймар был обязан быть сильным. Он не понимал, почему слабость – это зло, почему нельзя бегать по саду или читать книги, как Эрвин. Но он делал всё, что просила мать, потому что сильно её любил. Его детство было расписано по часам. Ночью он часто засыпал, сидя над свит-

ками, и Алея, входя в комнату, только вздыхала, она гладила его по волосам.

Её любовь к Эрвину была похожа на руку, которая удерживает дверь, чтобы сквозняк не сорвал её с петель. Это была та любовь, которую он помнит до сих пор – мягкая, тёплая, без условий. Но для Деймара это становилось раной. Он видел, что мама улыбается младшему брату чаще. Что обнимает его дольше. Что позволяет ему быть ребёнком.

Иногда ночью Эрвину снилось, что мать сидит на краю его постели. Её лицо было размытым, как через туман, и он не мог разобрать ни одной черты. Он просыпался с ощущением пустоты, будто в груди кто-то вынул важную часть его самого. Он не умел говорить об этом. И потому всё, что он делал – слушал людей, помогал им, собирал свет по крупинке, чтобы не чувствовать, что внутри него зияет холодное отверстие. Когда он был маленьким, он однажды спросил у отца: «А если ты найдешь маму, ты скажешь мне первым?» Эдгар махнул тогда рукой и велел забыть об этом. Но Эрвин не забыл.

Он остановился у площади. Перед ним развернулась ярмарка: женщины продавали яблоки, парни играли на дудках, дети смеялись. Эрвин смотрел на них и думал: *им нужна защита, им нужен король, который будет не только править, но и слышать.*

Глава 2

О доме, где тени хранят тишину

«Тени в том доме знали имена всех, кто боялся говорить вслух»

За два дня до смерти короля Эдгара

Свет скользил меж ветвей осторожно, ещё не уверенный, имеет ли он право тревожить листья. Лес дышал прохладой, и это дыхание ложилось на кожу Элианы лёгким туманом, влажным и свежим.

Она шла босиком по тропинке, земля под ногами была не просто землёй, она отзывалась, словно запоминая каждый след. Влажная трава цеплялась за щиколотки, словно желая удержать её ещё немного в этом мгновении.

Ветер тронул её волосы, и пшеничные кудри рассыпались по плечам, на секунду показалось, что это сам лес протянул руку, чтобы коснуться её. В этих волосах всегда было что-то солнечное, даже когда само солнце скрывалось за облаками. Как будто они хранили свет для всего мира.

Где-то в ветвях просыпались птицы, их голоса были похожи на неуверенные ноты, разогревающие горло перед настоящей песней. Лес, казалось, пробуждался вместе с ней.

Элиана улыбнулась. Не себе, не миру, а просто утру, которое снова пришло. В этом улыбчивом молчании было что-то детское и одновременно мудрое, как если бы она знала: каждое утро – это маленькое чудо, которое может быть последним, и потому его нужно проживать босыми ногами, чувствуя каждый изгиб земли.

Из густых зарослей показался старый лис Руфин. Он все-

гда появлялся внезапно, будто вырос прямо из травы или растворился из тени, и от этого казался частью самого леса. Его шерсть выцвела, местами седая, глаза – янтарные, внимательные, словно в них отражалось каждое дерево вокруг.

Он неторопливо пошёл рядом с Элианой, ступая бесшумно, почти так же тихо, как она. Иногда его хвост скользил по траве, оставляя за собой лёгкий след.

– Ты опять ходишь босиком, – сказал он, не поворачивая головы. Его голос был чуть хриплый, но в нём звучала добродушная ирония. – Когда-нибудь наступишь на шип или разобьёшь ногу о камень.

Элиана посмотрела на него и рассмеялась тихо, как смеются дети, уверенные, что мир не способен причинить им боль.

– Но этого еще не происходило! – девчонка рассмеялась.

Лис вскинул ухо, но ничего не ответил. Он был мудрее, чем показывал своим ворчанием, и знал: спорить с Элианой бесполезно. Она верила всему так же, как сама себе.

И всё же он шагал рядом, будто проверяя, чтобы её доверие не оказалось слишком безрассудным.

Её глаза отражали небо – чистое, утреннее, чуть влажное от тумана. Иногда казалось, что в них можно увидеть всё: и бесконечность, и улыбку, и скрытую усталость.

Она не выглядела, как люди из деревень. В ней было что-то хрупкое, но не от слабости, скорее, как у стеклянной вазы, которая хранит в себе свет. Каждое её движение казалось

одновременно простым и немного необычным, словно она и правда была рождена не для того, чтобы жить среди людей, а чтобы принадлежать лесу.

Руфин смотрел на неё искоса, и в его взгляде читалось больше, чем в его словах. Он знал: в этой девочке есть нечто, что нельзя потерять.

На опушке, где туман стелился тонкой вуалью, появились туманные лани. Сначала они были похожи на клубы дыма, что медленно двигались над травой. Но потом очертания стали яснее: белые силуэты, лёгкие, почти прозрачные, словно их вырезали из самого утреннего света. Их рога тянулись вверх, похожие на ветви молодой берёзы, а глаза мерцали мягким серебром, будто в них отражалась луна, не успевшая скрыться за горизонтом.

Они ступали бесшумно, и трава под их ногами оставалась сухой, словно они вовсе не касались земли. В народе говорили: увидеть туманную лань – значит быть отмеченным чудом. Но в лесу, рядом с Элианой, они были привычными гостями.

Элиана улыбнулась и протянула руку, и одна из ланей подошла ближе. Она была прозрачна, и казалось, что вот-вот рассеется, стоит только моргнуть. Но когда мягкая морда коснулась её ладони, Элиана ощутила лёгкое тепло, будто держала в руках дыхание самого утра.

– Вы пришли проверить меня? – тихо сказала она, наклоняясь к животному.

Лань мотнула головой, и туманное облачко закружилось вокруг Элианы, окутывая её плечи, как лёгкий шарф. Она засмеялась, звонко и по-детски, и побежала по поляне, а лани последовали за ней, оставляя за собой следы тумана.

В этот миг она была не дочерью леса и не создательницей снов, а просто девочкой, которая играет на рассвете. И даже Руфин, сидевший неподалёку, позволил себе улыбнуться.

Когда смех Элианы затих, лес словно ответил ей. Сначала лёгкий ветер пробежал между деревьями – не холодный, но настойчивый, как будто хотел что-то сказать. Он тронул её волосы, скользнул по рукавам белого платья и исчез, оставив ощущение предостережения.

На верхушках деревьев запели птицы. Их голоса звучали как приветствие новому дню, они радовались не только солнцу, но и самой Элиане. Одни чирикали торопливо, другие выводили длинные мелодии, и весь лес наполнился разноголосым хором.

Где-то вдалеке откликнулся филин, и его низкий звук прозвучал чуть тревожнее остальных. Руфин настороженно поднял голову, вслушался и тихо пробурчал:

– Даже птицы сегодня слишком разговорчивы.

Элиана посмотрела на него и покачала головой:

– Может, они просто рады, что утро снова пришло.

Она всегда слышала в голосах леса радость, даже когда в них было что-то иное.

Элиана остановилась на поляне и присела на корень ста-

рого дуба. Солнце скользило сквозь ветви, рисуя на её коже пятна света и тени. Она сидела молча, подперев щеку рукой, и какое-то время просто смотрела, как туман расходится, а в траве переливаются капли росы.

Иногда ей казалось, что этот мир слишком велик для одной девушки. В деревнях – смех, детские крики, ярмарки, разговоры; а у неё – только шёпот ветра и дыхание зверей. Но эта тишина никогда не была для неё пустотой. В ней она чувствовала свой дом.

Руфин лёг неподалёку, положив морду на лапы. Он не задавал вопросов – он знал, что ей хорошо в этом молчании.

Элиана провела пальцами по траве и тихо сказала:

– Иногда мне кажется, что я одна на всём свете.

В этот момент лёгкий ветер снова тронул её волосы, словно подтверждая её слова. И она улыбнулась – не от веселья, а от того, что одиночество здесь никогда не было полной тьмой. Оно было частью её гармонии.

День клонился к вечеру. Солнце уже не поднималось так высоко и ложилось на поляны косыми лучами, делая всё вокруг мягче, но и тяжелее. Элиана чувствовала это кожей, дыханием, самой сердцевинкой себя. Каждый закат был для неё особенным рубежом – не просто сменой света, а границей, за которой начиналась её настоящая работа.

Она медленно встала с корня дуба, будто собирая силы. Лес вокруг будто тоже готовился: птицы становились тише, ветер стихал, даже лани растворились в тумане, оставив по-

сле себя только лёгкий холод.

Элиана прижала ладонь к груди. Там, под тонкой кожей, сердце отзывалось странной неровной дрожью. Она знала, что это приближается. Ночь, бабочки, боль.

Руфин посмотрел на неё внимательнее. Его янтарные глаза вспыхнули тревогой. Он не был просто спутником. Он был хранителем. Хранителем баланса, хранителем леса, хранителем тех, кто носит свет в груди. И потому он всегда держался в стороне – не из холодности, а из страха. Потому что каждый раз, когда он привязывался, мир отнимал у него этих людей. Но Элиана была исключением, и именно это страшило его сильнее всего.

Элиана стояла посреди поляны, закрыв глаза. Её дыхание стало медленным, почти торжественным. Сначала была тишина. Та особенная, когда сердце замирает в ожидании. Потом тонкая, едва ощутимая боль прокатилась по груди. Она не была резкой, но тянулась медленно и мучительно, словно кто-то осторожно вынимал из неё тонкую нить света. Элиана не дрогнула. Она сжала пальцы, но позволила боли течь сквозь себя. И тогда из её сердца поднялось сияние – крошечное, едва различимое в сгущающихся сумерках. Оно заколыхалось, приняло форму, и через миг в воздухе расправила крылья бабочка. Она переливалась мягким серебром и небесным голубым, и в её крыльях было нечто живое. Элиана смотрела на неё и улыбалась, хоть по виску скатилась капля пота, а губы побледнели от боли.

– Лети, – прошептала она, и её голос был мягче ветра.

Бабочка замерла на секунду, словно запомнила её лицо, и взмыла в сумерки, оставив за собой тонкую линию света. Руфин тихо вздохнул, будто и сам разделил её боль.

Когда первая бабочка взлетела, Элиана пошатнулась. Боль вернулась волной, не обжигающей, а глубокой, будто в груди открыли дверь, за которой пряталось всё её сердце. Она всегда представляла это как нить: тонкую, сияющую, сплетённую из самой её сути. Каждая бабочка уносила с собой часть этой нити. Нить не рвалась, нет, – она вытягивалась, истончалась, оставляя в ней хрупкие трещинки.

Иногда ей казалось, что сердце внутри звенит, как колокол. Каждый взмах крыльев отзывался в нём звоном, высоким и чистым, но с оттенком боли, от которого хотелось закрыть глаза. Элиана не плакала. Она никогда не позволяла слезам смешиваться с этим процессом – знала: если позволит себе слабость, бабочки станут тяжелее, а людям достанутся не светлые, а печальные сны.

Она стояла, едва дыша, и улыбалась той боли, которая прожигала её. В этой улыбке было всё: и усталость, и принятие, и некая гордая нежность. Руфин смотрел на неё и опустил голову, будто не имел права быть свидетелем такой жертвы. Только лес знал настоящую цену её дара.

Одна за другой бабочки рождались из её сердца. Сначала медленно, словно мир сомневался, стоит ли выпускать столько света сразу, а потом – всё чаще, пока воздух вокруг Эли-

аны не стал похож на мерцающее озеро.

Они поднимались в сумерки, каждая окрашенная по-своему: одна светилась небесным, другая – розовым, третья переливалась, будто в крыльях спрятаны все оттенки рассвета. В их полёте не было ни спешки, ни случайности – только тихая уверенность, что каждая найдёт своего человека.

Лес затаил дыхание. Даже листья перестали шелестеть, будто боялись нарушить священный ритуал. И в этой тишине рой светящихся созданий устремился к краю леса, туда, где за оградами деревень ждали дети и взрослые, не подозревавшие, какой ценой рождается их сон. Тропинки, по которым они летели, оставались светлее обычного. На миг показалось, что звёзды спустились на землю и сами взмывают обратно к небу.

Элиана проводила взглядом последнюю из них, и в её улыбке было облегчение, смешанное с лёгкой тенью боли. Она знала: люди увидят сны, и значит, ночь не будет пустой.

А лес вокруг снова зашептал – не тревожно, а благодарно, будто сказал ей: «Ты сделала это. Ещё раз».

Когда лес вновь наполнился привычными звуками, Элиана опустилась на траву. Её дыхание стало неровным, плечи чуть дрожали, а сердце отзывалось глухой пульсацией. Она прикрыла глаза и позволила себе короткую слабость – всего мгновение, чтобы отдохнуть от боли, которая всё ещё тянулась нитями в груди. Но когда Руфин осторожно подошёл и ткнулся носом в её ладонь, Элиана улыбнулась.

Эта улыбка была светлой, как будто ничего не произошло, как будто её тело не разрывали невидимые нити. Она улыбалась не ради себя, а ради того, чтобы мир вокруг остался светлым, чтобы даже старый лис рядом не увидел её настоящую слабость.

В её улыбке было и мужество, и тихая нежность, и принятие своей роли. Это была улыбка того, кто каждый вечер дарит миру больше, чем способен удержать для себя. Руфин прожил столько жизней, что сам иногда забывал, сколько создательниц он провожал в последний путь. Каждая из них горела ярко, слишком ярко, чтобы долго жить. Он помнил их смех, их страхи, их последние ночи, когда бабочки рождались так часто, что воздух становился тяжёлым от света. И каждый раз, когда он смотрел на Элиану, он видел не только девочку – он видел начало конца, который однажды достигнет и её.

В это время, далеко от леса, в каменной столице Арвенна, мальчик ворочался на своей жёсткой постели. Ночь казалась тяжёлой: стены давили холодом, уличные фонари за окнами светили тускло, и казалось, будто тьма никуда не уходит.

И вдруг в его комнату скользнула светлая бабочка. Она села на кончик носа, и её крылья тихо дрожали, наполняя пространство мягким сиянием. Мальчик не проснулся – он просто улыбнулся, словно кто-то позвал его по имени в том мире, где не нужны слова.

Во сне он оказался в саду, которого никогда не видел. Там

росли деревья, плоды которые светились изнутри, и река текла не водой, а звёздами. Он шёл по этому саду, не испытывая ни страха, ни одиночества, и впервые за долгое время чувствовал себя счастливым.

Бабочка растворилась, оставив только свет в его снах.

Но за тонкой стеной его дома шевельнулось нечто иное. Тень, похожая на оборванное крыло, скользнула в темноте и исчезла. Она не принесла сна – только холодное предчувствие.

Глава 3

О взгляде, что открыл дорогу судьбе

«Один взгляд может быть сильнее пророчества, если в нём нет сомнения»

На следующий день

Элиана сонно зажмурилась и, не открывая глаз, вытянула руку – как будто хотела поймать этот свет в ладонь. Её волосы, растрёпанные и спутанные, разметались по подушке, и несколько золотистых прядей прилипли к щеке.

Она наконец приподнялась, зевая так широко, что на глаза навернулись слёзы. Её тело чувствовало усталость после вчерашней ночи, и сердце всё ещё отзывалось слабой дрожью, но привычка заставляла улыбнуться.

Небольшой домик со стороны мог показаться причудливым деревом, корни которого изящно обвивали что-то. А сверху эту конструкцию закрывали листья разных размеров, уберегая свою жительницу от дождей. Даже внутри

по полу из корней дерева прорывались ростки цветов и уходили вверх по стене разноцветной линией. Комната была простой: низкий столик, на котором стояли травы в глиняных чашах, и связка сухих цветов, подвешенных к потолку. В углу, свернувшись клубком, спал Руфин, прижимая хвост к носу.

– Опять проспала, – тихо сказала Элиана сама себе и коснулась босыми ногами пола, покрытого мхом.

Её желудок недовольно заурчал. Она нахмурилась и подняла с пола корзинку: внутри осталось всего несколько сухих ягод да кусочек хлеба, ставший твёрдым, как камень.

– Сегодня точно нужно в деревню, – вздохнула она. – Или Руфину придётся делиться добычей.

Лис приоткрыл один глаз, будто понял её слова, и снова закрыл. Элиана улыбнулась. Улыбка была такой же тёплой, как утро. Даже с пустой корзинкой и ноющим сердцем она чувствовала: день обещает быть добрым.

Элиана распахнула дверь, и прохладный воздух тут же коснулся её лица. Лес встретил её запахом влажной земли вперемешку с ароматом диких цветов, что тянулись к свету прямо у крыльца. Она вышла босиком, ступая на утопанную тропинку. Трава была ещё холодной от ночной росы, и капли прилипали к её ногам, оставляя серебристые следы. Где-то рядом, в кустах, зашуршал ёж, а над головой протянулись первые крики птиц.

Элиана глубоко вдохнула и прикрыла глаза. Утро всегда

было её любимым временем: лес в это мгновение казался новым, будто ночь забрала у него всё старое и вернула обновлённым.

С крыльца она взяла деревянное ведро и направилась к ручью. На плечах её платье всё ещё хранило тепло сна, но влага от листвы быстро отрезвила. Она наклонилась к воде – прозрачной, в которой отражалось небо, ещё бледное и неяркое.

– Сегодня будет хороший день, – сказала она себе и погрузила руки в воду, умываясь до холодных мурашек.

Руфин, ленивый, но преданный, вышел следом и улёгся прямо у её ног, наблюдая, как она наполняет ведро. Его янтарные глаза поблёскивали в солнечных лучах.

Элиана села на крыльце, поставив ведро рядом. Она достала из корзинки последние ягоды и кусочек хлеба, который треснул в руках, словно сухая ветка.

– Завтрак настоящих героев, – сказала она весело и протянула ягодку Руфину.

Лис приподнял голову, посмотрел на неё долгим взглядом и снова положил морду на лапы.

– Я не ем ягоды, ты знаешь, – пробурчал он, и голос его был хриловатым.

Элиана рассмеялась.

– А вдруг понравится? Ты всегда такой серьёзный, Руфин. Надо уметь удивлять самого себя.

Она поднесла ягоду к его носу. Лис демонстративно от-

вернулся, но потом лениво щёлкнул зубами и съел. Морщился так, будто ему в пасть сунули уголь.

– Видишь? – улыбнулась Элиана, – Я была права. Тебе нравится.

– Мне нравится, как ты веришь в свои глупости, – проворчал Руфин.

Элиана, не смущаясь, откусила кусочек хлеба.

– Может быть, – сказала она с набитым ртом.

Руфин вздохнул, прикрыл глаза и тихо пробормотал:

– Лес подарил миру слишком лёгкую девочку. Но, может быть, в этом и есть его замысел.

Элиана не слышала. Она уже смеялась, подбрасывая в воздух ягоду и пытаясь поймать её ртом. Завтрак закончился быстро – слишком быстро, как всегда. Элиана поднялась и, прихватив плетёную корзину, направилась в сторону леса.

– Ты куда? – недовольно спросил Руфин, лениво поднимаясь с земли.

– Травы собирать. – голос её был лёгким, словно это самая важная и радостная миссия на свете.

– У тебя ещё полные связки в доме.

– Но они уже засушенные! – Элиана обернулась, глаза её сияли, будто это объясняло всё. – А я хочу свежих.

Лис тихо фыркнул, но двинулся следом.

– С тобой нельзя оставить лес ни на минуту, – ворчал он. – То ягоды с чужими зверями делишь, то в чашу лезешь, как будто она тебя ждала.

– Так и есть, – радостно перебила она.

Она шла босиком по влажной тропе, листья царапали её щиколотки, а солнце пробивалось сквозь густую листву золотыми пятнами. Она наклонялась то к одному кусту, то к другому, срывая травы и напевая что-то неслышное.

Руфин, шагая чуть позади, хмурился. Его хвост слегка подрагивал, как у зверя, который притворяется спокойным, но на самом деле готов в любой момент насторожиться.

– А ты слишком мрачен, – улыбнулась Элиана, даже не обернувшись. – Поэтому мы с тобой идеально друг другу подходим. И ты мне это каждый раз говоришь, но я никак не исправляюсь, да?

Руфин снова фыркнул, но не спорил.

Она наклонялась к каждому кусту с такой сосредоточенностью, будто в нём пряталась целая история. Листья она гладили пальцами, нюхала, улыбалась и клала в корзину самые свежие стебли.

Но вдруг что-то заставило её остановиться. На поляне, куда она вышла, трава росла гуще, чем обычно. Казалось, будто само солнце задержалось здесь дольше, чем в других местах.

Элиана прищурилась. Среди зелени мелькнул свет. Сначала она подумала, что это солнечный луч, отражённый каплей росы, но свет не исчезал. Он дрожал и перемещался, словно кто-то невидимый прошёл сквозь траву, оставив за собой тонкую нить сияния.

Она присела, коснулась ладонью земли. Тепло. Настоя-

щее, живое.

Руфин остановился рядом. Его уши настороженно поднялись, но он промолчал.

– Ты это тоже чувствуешь? – спросила она, глядя на него.

– Чувствую, – нехотя ответил он. – но ты лучше положи в корзину ещё травы и не ищи смысла там, где его может и не быть.

Элиана рассмеялась, но смех её был мягким, почти шёпотом, словно и правда боялась нарушить тайну. Она сорвала несколько стеблей мяты, положила в корзину и ещё раз бросила взгляд на странное сияние.

Оно уже исчезло. Только трава колыхалась чуть сильнее, чем обычно.

Корзина постепенно наполнилась: пахучая мята, стебли зверобоя, веточки душицы и несколько цветов, которые Элиана сорвала просто потому, что они были красивыми.

– Ну вот, – сказала она, взваливая корзину на руку, – теперь можно и домой.

Руфин шагал рядом, не отставая. Его шерсть на солнце отливала рыжим золотом, но глаза оставались насторожёнными. Он бросал взгляды по сторонам так, словно ждал, что из каждой тени может выйти опасность.

– Хватит смотреть так, будто мир собирается нас съесть, – сказала Элиана, шагая по тропинке.

– А он и собирается, – коротко ответил Руфин. – просто ты ещё этого не понимаешь.

Элиана улыбнулась. Она знала, что его ворчание не от злости. В этом было что-то похожее на заботу, которую он скрывал под суровыми словами.

Когда они вернулись домой, солнце уже поднялось выше. Элиана поставила корзину на стол, налила себе воды из ведра и сделала несколько быстрых глотков. В животе заурчало – завтрак был слишком скудным.

Она села у окна, подперла голову рукой и задумчиво смотрела вдаль, туда, где тропинка уходила к деревне.

– Сегодня, пожалуй, стоит сходить туда, – сказала она вслух. – Может, удастся обменять травы на хлеб. И, может быть... я куплю яблоко.

Глаза её засияли при этой мысли, и она рассмеялась.

Руфин вздохнул, улёгся у двери и тихо проворчал:

– Только глупостей там не делай.

Элиана разложила травы на столе, перебирая их так, словно перед ней лежали драгоценности. Каждую она брала осторожно, нюхала, улыбалась и откладывала в сторону.

– Эти точно возьму, – сказала она, кладя в корзинку веточки зверобоя. – Он всегда нужен людям. А этот цветок... пусть будет просто для красоты. Вдруг кто-то захочет поставить в кувшин у себя дома.

Она с нежностью коснулась лепестков.

– Люди такие разные, Руфин, – продолжила она, сама с собой, – кто-то всегда хмурый, кто-то весёлый, кто-то молчит, а кто-то говорит без умолку... и в каждом есть что-то чудес-

ное.

Руфин, растянувшийся у двери, приоткрыл один глаз.

– В каждом? Даже в тех, кто плюётся при виде чужака?

– Даже в них, – уверенно ответила Элиана. – Может быть, им просто грустно. Или одиноко. Я все время вспоминаю, как первый раз сбежала в деревню от тебя.

– Ты что тогда не слушала меня, что сейчас.

Она выбрала самые душистые травы, уложила их в корзину и накрыла тонкой тканью. Потом встала перед зеркальцем – крошечным, с трещинкой по краю – и поправила волосы. Они мягко рассыпались по плечам, золотистые, как колосья на солнце.

– Я хочу, чтобы они подумали: «Какая милая девушка!» – сказала она и засмеялась.

Руфин недовольно фыркнул.

– А я хочу, чтобы они подумали: «Лучше не связываться».

Элиана снова рассмеялась, весело и искренне, как смеются только те, кто умеет радоваться самому простому.

Тропинка вела между деревьями, затем постепенно расширялась и превращалась в дорогу, по которой изредка проезжали телеги. Земля здесь была сухая, пыль поднималась лёгкими облачками при каждом её шаге, и солнце играло на этих облаках золотым светом.

Элиана шла босиком, подбрасывая корзинку и подхватывая её снова, словно это была игра. Каждый шаг для неё был открытием: камешек, похожий на сердечко; пёрышко птицы,

блеснувшее на обочине; стрекоза, что села прямо на её па-
лец, прежде чем улететь дальше.

– Смотри, Руфин! – радостно воскликнула она, показывая
ему найденное, – Оно же почти как маленькое чудо!

– Чудо будет, если ты перестанешь подбирать всё под-
ряд, – проворчал он, шагая рядом. Его лапы оставляли чёт-
кие следы на пыли, а взгляд скользил по сторонам, проверяя
каждый шорох.

Элиана рассмеялась и поднесла перо к лицу, щекоча нос.

– Жизнь ведь состоит из маленьких радостей.

Дорога открывала новые виды: сначала густой лес с его
прохладой и тенью, потом широкое поле, где колыхалась вы-
сокая трава, переливаясь зелёным и золотым. На горизонте
уже виднелись крыши деревни – неровные, дымные, но для
Элианы они выглядели как приглашение в другой мир.

Она прижала корзину к груди и улыбнулась так, будто впе-
реди её ждало настоящее приключение.

Руфин тихо буркнул:

– Мне всё равно это не нравится.

Он не любил появляться на людях, знал: если её оста-
вить одну, она обязательно забредёт в самую глупую исто-
рию, но оставался в тени от жителей деревни, лишь строгим
и зорким взглядом следил за Элианой.

Дорога вывела её к деревне, и первый же запах ударил
в лицо – смесь дыма из печных труб, навоза, свежеиспечён-
ного хлеба и мокрой шерсти. Для кого-то это было бы тя-

жёлтым воздухом, но Элиана вдохнула глубже, словно хотела запомнить его навсегда.

Она замерла у ворот и несколько секунд просто смотрела: дети, босые и шумные, гоняли деревянный обруч по улице; женщины выносили бельё и развешивали его прямо у порога; мужчины чинили телеги, гремели молотками и спорили, кто делает быстрее.

Каждое движение, каждый звук казался ей удивительным. Она смотрела на то, как мальчик ловко подкидывает яблоко и делит его с другом, и улыбалась так, будто видела чудо.

– Они такие настоящие, – прошептала она. – и всегда смотрят на меня...

И действительно, несколько женщин и старик у колодца остановились и начали коситься на Элиану, узнавая в ней странную девушку, которая иногда появляется здесь. Её пшеничные волосы и светлые глаза выделялись слишком сильно, кожа была бледной, почти прозрачной – она выглядела чужой.

Элиана заметила взгляды, но не смутилась. Она подняла корзину и улыбнулась первым встречным так тепло, будто знала их всю жизнь.

– Доброе утро! – сказала она звонко, и её голос прозвучал среди двора так неожиданно, что кто-то даже уронил ведро в воду.

Рынок был шумным, тесным, наполненным запахами, от которых кружилась голова. Воздух густо смешивал в себе

дым жаровен, сладость мёда, горечь пряных трав и вонь свежей рыбы, разложенной на прилавках. Люди толкались плечами, переговаривались громко, смеялись и спорили.

Для Элианы это был настоящий праздник. Она медленно шла вдоль рядов, то и дело останавливаясь, чтобы рассмотреть каждую мелочь. Сначала – корзины с яблоками, красными и зелёными, пахнущими так ярко, что слюнки подступали к горлу. Потом – прилавок с тканями: голубые, красные, золотые отрезки блестели на солнце, и она провела пальцами по гладкой поверхности, будто это было сокровище.

– Руфин, смотри, какая красота! – воскликнула она, показывая на глиняные кувшины, расписанные простыми узорами. – Представь, как в них цветы будут стоять.

– Представил, – проворчал лис, который все равно пришёл за Элианой, пробираясь сквозь толпу у её ног. – И представил, как ты снова потратишь всё, что получишь за травы, на эти безделушки.

Элиана рассмеялась и закрутилась на месте, вдыхая аромат свежеиспечённых лепёшек. Один мальчишка протянул ей жареный орешек, и она взяла его с искренним восторгом, будто это был дар судьбы.

– Спасибо! – сказала она звонко, а мальчишка, смутившись, убежал.

Элиана подошла к прилавку пекаря. Его стол ломился от буханок хлеба, корка трещала от жара, а запах был таким сильным, что у неё заурчало в животе.

– Доброе утро, – сказала она и улыбнулась. – У меня есть травы, свежие. Может, обменяемся?

Пекарь нахмурился, посмотрел на неё с подозрением, но, увидев душистый зверобой и веточки мяты, смягчился.

– Хм. Ну, за это могу дать тебе хлеб и... пару яблок сверху.

Элиана радостно всплеснула руками, как ребёнок, и аккуратно переложила травы в его корзину. Она бережно прижала к груди полученный хлеб и яблоки, словно это было самое ценное богатство в мире.

Толпа на рынке толкалась всё сильнее. Кто-то резко задел её плечом так, что она чуть не выронила корзину. Она обернулась – перед ней стоял высокий парень в потёртой одежде, с тёмными глазами и быстрым взглядом.

– Осторожнее, – буркнул он, но тут же заметил, что ударил её слишком сильно. – Прости. Я не хотел.

Элиана рассмеялась звонко и легко, поправляя корзину.

– Ничего страшного. Я крепкая. – сказала она, глядя прямо в его глаза.

Парень задержался на миг, будто хотел что-то добавить, но затем быстро скользнул дальше сквозь толпу и растворился в шуме. Элиана смотрела ему вслед ещё несколько секунд, потом улыбнулась и покачала головой.

– Люди такие торопливые, – сказала она тихо, обращаясь скорее к себе.

Руфин зарычал едва слышно, глаза его блеснули насторо-

женно.

Но Элиана уже снова любовалась своим хлебом и яблоками, забыв обо всём остальном.

Когда шум рынка остался позади, Элиана с Руфином вернулась на дорогу. Солнце клонилось к полудню, воздух был густым и тёплым, а корзина приятно оттягивала руку весом хлеба и яблок.

– Видишь, – сказала она весело, – всё прошло хорошо. Люди добрые. Я даже яблоки получила!

Руфин шёл молча, лишь его хвост подрагивал, выдавая тревогу. Он бросал редкие взгляды назад, туда, где толпа шумела всё тише.

И вдруг лес вокруг будто изменился. Тени деревьев стали гуще, воздух стал холоднее, и лёгкий ветер коснулся плеча Элианы. В этом ветре было нечто похожее на голос, едва слышный шёпот:

Осторожнее.

Элиана замерла, прижала корзину к груди и огляделась. Всё было по-прежнему: тропа, солнечные пятна, пение птиц. Но внутри у неё что-то дрогнуло.

– Ты тоже это слышал? – прошептала она Руфину.

– Слышал, – коротко ответил он, не отводя взгляда от леса. – Лес редко шепчет без причины такое.

Элиана нахмурилась, но через миг снова улыбнулась, как будто хотела отогнать странное чувство. Она подбросила яблоко в ладони и засмеялась.

Но где-то глубоко в сердце осталась тень.

Глава 4

О месте, где стены слушают страх

«Эти стены впитали столько страха, что сами стали хранителями тайн»

Во время коронавания нового правителя

Утро в городе рождалось не так, как в лесу. Там рассвет был песней, здесь – криком. Вместо шелеста листвы – гул толпы, вместо запаха росы – кислый дух пролитого пива, тухлой рыбы и мокрой шерсти. Каменные стены теснили воздух, и он становился тяжёлым, вязким, словно его приходилось глотать силой.

Кай двигался сквозь рынок так, будто танцевал среди хаоса. Толпа толкалась, торговцы орали друг на друга, женщины тянули за руки детей, а он скользил между ними легко, почти лениво. Его сапоги скрипели о грязь, перемешанную с соломой, а пальцы уже привычно нащупывали чужие кошельки. Рынок был для него не местом покупки и продажи, а ареной. Здесь он чувствовал себя живым. Здесь правила были просты: кто быстрее, тот сыт.

Он остановился возле прилавка с яблоками. Торговец спорил с женщиной, и Кай, не глядя, скользнул рукой к корзине, достал одно яблоко и так же невозмутимо двинулся дальше. Откусил – кислый вкус скривил губы, но он всё равно улыбнулся. Для него это была победа, пусть и маленькая.

Толпа шумела, глотала его, но Кай умел быть невидимым. Невидимым в мире, где слишком много глаз и слишком мало милости.

Кай шёл дальше, жуя кислое яблоко, и взгляд его скользил по толпе так же легко, как руки по чужим вещам. Он видел всё: чей кошель плохо завязан, чья корзина слишком тяжела, чтобы хозяйка заметила пропажу, чья рука слишком занята ребёнком, чтобы успеть перехватить его.

Возле пекаря он задержался на миг. Хлеб – горячий, только из печи, золотистая корка трещала от жара. Запах ударил в нос, и Кай почувствовал, как внутри него просыпается голод – не физический, а тот давний, детский, когда он смотрел на чужие тарелки и ждал, пока отец вернётся с пустыми руками.

Он скользнул в сторону, и через миг буханка оказалась у него под плащом. Всё было так привычно, что он даже не почувствовал ни страха, ни азарта. Только удовлетворение.

Но хлеб был необходимостью, а драгоценность – уже игрой. У ювелирного прилавка собралась толпа – женщина выбирала ожерелье, спорила о цене, размахивала руками. Кай двинулся ближе, будто случайный прохожий, а пальцы его уже нащупывали нужный замок. Одно движение – и тяжёлый кулон с тёмным камнем перекочевал к нему в рукав.

Сердце не забило чаще. Он чувствовал себя так, будто взял то, что и так принадлежало ему по праву. Мир ничего

не дал ему просто так – и он привык брать сам.

Он ушёл так же легко, как появился, растворяясь в толпе. Толпа всегда прикрывала его, как лес листьями прикрывает зверя.

Стены королевства Арвенн были построены так давно, что никто уже не помнил, кто заложил первый камень. Старики любили рассказывать, будто камень этот упал прямо с луны, когда она окружила себя сияющим кругом в ту ночь, что стала началом королевства. Но мальчишки на улицах смеялись: «Какой ещё камень с луны? Всё это сказки для тех, кто верит в чудо».

Арвенн никогда не был мягким. Он рос жёстко, из серого камня, с каждым десятилетием отнимая у природы ещё кусок земли. Леса здесь не было, а небо почти всегда казалось тяжёлым, затянутым дымом от кузниц и кухонных труб.

На его рынках толпа кишела, как муравейник. Здесь можно было найти всё: от свежей рыбы до редких камней, от дешёвых амулетов, которыми торговцы обманывали крестьян, до настоящих изделий мастеров. Здесь же терялись и люди: сироты, воры, нищие – те, у кого не было места за семейным столом.

Город помнил войны. Когда-то его стены держали натиск врагов с востока, и кровь текла по этим улицам, впитываясь в щели между булыжниками.

Сны в Арвенне были редкими и тревожными. Здесь люди привыкли просыпаться в холодном поту и говорить: «Так

и должно быть». Легенды о бабочках считались детскими сказками – слишком наивными для города, где каждое утро начиналось с грязи и шума рынка. И именно в этом городе вырос Кай. В городе, где улыбка считалась слабостью, а доброта могла стоить жизни.

Кай всегда считал рынок своим укрытием. Толпа скрывала его, как море скрывает рыбу. Но сегодня вода оказалась слишком прозрачной. Он заметил женщину слишком поздно: её крик пронзил шум толпы, как треснувший колокол. Все головы обернулись, и в тот же миг он почувствовал на себе чужие взгляды – сотни глаз, цеплявших его, как крючки.

Рука стражника схватила его за плечо. Хватка была горячей, будто железо только что вытащили из огня. Кай резко дёрнулся, выскользнул, но толпа не помогла – наоборот, вытолкнула его вперёд, под открытое небо.

Он рванул в сторону, почти упал, колени обожгла каменная мостовая. Второй стражник схватил его за ворот. Кай успел увидеть свои пальцы, всё ещё сжимающие драгоценность, и в ту же секунду камень выскользнул и покатился по булыжникам.

Толпа зашумела. Кто-то засмеялся, мальчишка крикнул: – Лови крысу!

Смех ударил по нему сильнее, чем удары кулаков.

Его руки заломили за спину. Боль отозвалась в костях, он услышал, как хрустнули суставы. Воздух пах потом, пылью и кислым вином – и вдруг стало трудно дышать.

Когда его тащили прочь, он заметил, как небо над Арвенном медленно темнеет. Каменные стены закрывали закат, и ему показалось, что вместе с этим небом закрывается и он сам.

Железная дверь захлопнулась с таким звуком, будто отсекла его от всего мира. Гул от этого удара ещё долго ходил по каменным стенам, пока не затих в сырости и тишине. Темница пахла плесенью и ржавчиной. Воздух был тяжёлый, влажный, и казалось, что им невозможно надышаться. С потолка капала вода – медленно, размеренно, так, что каждый капле становился пыткой, дробя тишину на равные удары.

Кай сидел на холодном камне и смотрел на свои руки. На запястьях краснели следы от верёвок, кожа содрана, пальцы дрожали. Он провёл языком по губам и почувствовал вкус крови.

Он пытался усмехнуться – привычная защита. «Ну что, великий вор, наконец-то?» Но усмешка вышла кривой и горькой. В темнице не осталось зрителей, для кого можно было сыграть роль.

Перед глазами вспыхивали картинки: жаркий хлеб, запах яблок, голос матери, которая в детстве шептала: «*Только не смотри на чужое, сынок*». И тут же – его первый украденный кусок хлеба, который он съел, задыхаясь, не дожидаясь, пока кто-то отнимет.

Он обхватил голову руками и закрыл глаза. За веками не было неба. Не было толпы, не было свободы. Только он

и его мысли, которые не отпускали. Кай чувствовал, что время здесь растянулось. Каждая минута – как целый день, каждый звук – как гром. Темница не просто держала его тело – она пыталась прогрызть его изнутри.

Капли с потолка били в камень так ритмично, что Кай почти привык к этому звуку. Но вдруг к нему добавились другие – шаги. Тяжёлые, медленные, железо скрежетало о камне.

Кай поднял голову: за дверью глухо разговаривали стражники. Он не видел их лиц, только слышал голоса, но темница всегда обостряла слух, и слова цеплялись к памяти.

– Опять этих мелких воров приводят, – пробурчал один.

– Да уж. Говорят, новый король недоволен, что казна пуста. – голос второго был выше, торопливее. – Ему всё мало. Слышал? Теперь в леса потянуло. Будто там спрятано что-то, чего никто никогда не видел.

– Да ну его. Сказки для детей. Бабочки во снах... хе. Лучше бы он следил за порядком в городе.

Они рассмеялись коротко и ушли, не зная, что каждое их слово пронзило Кая острее железных оков.

Он сидел неподвижно, прислушиваясь к затихающим шагам. «Король. Леса. Бабочки во снах». Эти слова сливались в странную мелодию, и в груди у него снова зашевелился тот детский огонёк, который когда-то верил в чудеса.

Он откинулся к холодной стене и прикрыл глаза. В темнице не было ни луны, ни звёзд. Но внутри него вдруг ожи-

ла картинка: светящаяся бабочка, которую он однажды видел в детстве. И впервые за долгое время Кай почувствовал не голод, не страх, а любопытство.

Дни в темнице тянулись вязко, как смола. Там не было солнца, и время определялось только шагами стражников и железным звоном ключей, когда приносили еду. Кай лежал на каменном полу, слушал, как крысы бегают в темноте, и думал, что они свободнее его. Их лапки цокали легко, а его ноги были тяжёлыми, словно закованные даже без кандалов.

Он пытался считать дни, но быстро сбился. Темница отнимала не только свободу, но и чувство времени. Внутри него поднималось что-то острое – смесь злости и страха. Злость на то, что его поймали. Страх, что его жизнь теперь будет короткой и бессмысленной.

Иногда он слышал разговоры стражников. Кай слушал и усмехался про себя. «С ума сошёл королевский мальчик, а страдать будем мы», – думал он. Но глубоко внутри понимал: эти слухи не просто слова. Они меняли воздух в городе, делали его тревожным, как перед грозой.

И где-то в этой тревоге у него зародилось чувство, что его ещё вытащат отсюда. Не ради него самого, конечно. Ради того, что он умеет.

За стеной камеры кто-то зашевелился. Сначала Кай подумал, что крысы – но звук был слишком тяжёлый, слишком размеренный. Потом раздался кашель, хриплый, будто ржавый ключ провели по камню.

– Эй, мальчишка, – донёлся голос. – Сколько дней ты тут гниёшь?

Кай вздрогнул. До этого он был уверен, что рядом пусто. Он прижался к решётке, вглядываясь в темноту, и различил смутный силуэт за перегородкой. Старик, худой, с длинной спутанной бородой. Его глаза блеснули, как два уголька.

– Я не считаю, – ответил Кай коротко.

– А зря, – хрипло усмехнулся старик. – Время – это всё, что у нас тут осталось. Когда перестаёшь его считать, перестаёшь быть человеком.

Кай промолчал.

– За что тебя? – продолжил незнакомец. – Судя по лицу, не убийца. Слишком гордый для нищего. Значит... вор.

– А тебя за что? – бросил Кай в ответ.

– За язык, – старик криво улыбнулся, и в улыбке блеснул один-единственный зуб. – Сказал не то не тому. А может, и то, но не тем людям. Какая, к чёрту, разница?

Они замолчали. Тишину заполнил звук капли.

Кай впервые за долгое время ощутил, что не один. Это было странно: слова незнакомца будто пробили трещину в стенах темницы.

– Знаешь, мальчишка, – снова заговорил старик после долгой паузы, – воры самые честные люди на свете.

Кай хмыкнул.

– Честные? Ты издеваешься?

– Нет. – В голосе не было ни шутки, ни издёвки. – Осталь-

ные прячутся за словами. Короли – за законами. Торговцы – за ценами. Даже бедняки прячутся за жалостью. А вор говорит прямо: *я возьму, потому что хочу жить*. В этом нет лжи.

Кай замолчал. Он хотел возразить, но слова застряли. Может, потому что где-то глубоко это было слишком похоже на правду.

Старик закашлялся, плюнул в темноту.

– Но жить, мальчишка, мало. Надо ещё понять, ради чего. Иначе станешь крысой, которая бежит только за коркой хлеба.

Тишина снова повисла между ними, и в ней Кай вдруг вспомнил своё первое воровство – хлеб в руках, дрожь в груди. Крыса или человек? Он сам не знал ответа.

– Слышал я, – продолжил старик, голос его стал тише, почти заговорщицким, – что за этими стенами ищут людей вроде тебя. Ловких, быстрых, бесстрашных. Король, говорят, сам охотится за тем, что скрыто в лесах. Сны ему подавай. Бабочек. Ты слышал о таких?

Кай напрягся. Его сердце кольнуло – словно чья-то рука в темноте сжала его.

Он медленно откинулся на стену.

– Слышал, – сказал он, и голос его был ровным, почти холодным. – Но это сказки.

Старик рассмеялся сухо, как треск горячей ветки.

– Сказки – это то, что мы ещё не поняли.

Старик кашлянул, снова уставился в темноту.

– По голосу тебе не больше двадцати. И слышно – злость в тебе кипит, как у дикого зверя. Но глаза... глаза у тебя такие, будто ты старше своих лет.

Кай прищурился. Сырой свет из крошечного окошка под потолком падал на его лицо, делая тени ещё резче. Щёки исчерчены грязью, на виске свежая царапина, губы сжаты в тонкую линию. Мокрые волосы липли к коже, скользили по щекам, и за ними скрывался взгляд – острый, тёмный, тяжёлый.

Он не был похож на мальчишку. Он выглядел, как человек, привыкший выживать: каждое движение напряжённое, будто за ним следят.

– Ты много болтаешь, старик, – сказал он тихо, и голос его прозвучал низко, хриловато. – Но я не крыса.

– Да я это и так вижу, – усмехнулся старик. – Крысы смотрят вниз. А ты смотришь так, будто готов перегрызть горло любому, кто встанет на пути.

Кай не ответил. Его пальцы нервно сжались в кулаки, костяшки побелели.

Старик наклонился ближе к решётке, и его глаза блеснули.

– Помни одно, мальчишка: злость даёт силу, но только до поры. Настанет день – и ты решишь, ради чего всё это. Ради хлеба? Ради золота? Или ради чего-то большего.

Слова эхом повисли в каменных стенах. И впервые Кай не усмехнулся в ответ. Когда старик замолк, в темнице сно-

ва воцарилась тишина. Только капли с потолка продолжали падать в одну и ту же лужу, будто время застыло на месте.

Кай сидел, привалившись к стене, и смотрел в темноту. Его глаза блестели в тусклом свете, но блеск этот был не от слабости, а от напряжённой, хищной настороженности. Слова старика крутились в голове. «*Ради чего всё это?*» – он почти слышал этот хриплый голос снова и снова.

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Ради чего? Ради семьи, которой у него больше не было? Ради золота, которое исчезало быстрее, чем он успевал его тратить? Ради выживания?

Сырость медленно проникала в кости, дыхание становилось тяжелее. В темнице всё было одинаковым: тьма, холод, шёпоты соседей, скрежет ключей. Но внутри Кая нарастала другая буря – тихая, пока ещё сдержанная, но готовая в любой момент прорваться.

Он не заметил, как закрыл глаза. И в этой тьме, глубже темницы, ему показалось, что он слышит лёгкий шелест крыльев. Но он отогнал это видение, упрямо решив, что это лишь крысы, что-то шевелящееся за стенами.

– Ради чего... – повторил он едва слышно. И сам не понял, это был вопрос или клятва.

Утро в темнице отличалось от ночи только звуками. Вместо капли теперь слышался звон ключей и тяжёлые шаги. В щель под дверь скользнул тусклый свет факела.

– Вставай, – коротко бросил стражник, отворяя решётку.

Кай медлил. Его тело затекло, каждая кость болела, но в глазах снова зажётся тот холодный блеск, от которого даже стражники старались не встречаться с ним взглядом.

Его подняли, развернули, заломили руки. Железо скрипнуло на запястьях – кандалы были холодные, будто только что вытащенные из снега.

– Куда? – спросил он тихо, но в голосе не было страха, только усталое раздражение.

Стражник не ответил. Второй лишь коротко усмехнулся:
– Скоро узнаешь.

Коридоры темницы тянулись бесконечно. Каменные стены с факелами мелькали одна за другой, капли падали с потолка. Чем дальше они шли, тем меньше становилось сырости и тем больше – запаха дыма, воска и свежего воздуха.

Кай шёл молча, но внутри напряжение росло. Он чувствовал: за этой дорогой что-то изменится. Его ведут не к казни – слишком много предвкушения в их шагах. И не к свободе – слишком много железа на его руках.

Он сжал зубы и поднял голову.

– Ну что ж, – подумал он. – Пусть будет игра.

Дверь впереди открылась. Свет ударил в глаза, и Кай впервые за много дней вдохнул воздух, не пропитанный плесенью. Но куда его вели, он так и не знал.

Железо на запястьях звенело в такт шагам, и этот звук будто въедался в виски. Каменные стены, узкий коридор, факелы, отбрасывающие резкие тени. Всё это было похоже на сон,

в котором он идёт, но не знает – куда.

Казнь? Мысль пришла первой, резкой и холодной. Сердце на миг сжалось, но он сразу оттолкнул её. Нет, если бы вели на смерть, всё было бы иначе: шум толпы, зов палача, запах дыма. А здесь стояла гулкая тишина.

Он пытался не показывать страха. Спина прямая, подбородок поднят, шаги уверенные. Если они ждут, что он будет молить или дрожать – не дождутся. В этом мире у него отняли всё, кроме одного: умения держать лицо, даже когда внутри пустота.

Тени по стенам будто подталкивали его вперёд, а в голове вспыхивали обрывки воспоминаний: руки, хватающие его на рынке; холод железа; насмешливый крик «вор». И теперь – это странное шествие по коридорам, ведущим вверх, туда, где воздух был свежее и чище. Каждый шаг казался шагом к чему-то, что изменит всё. Он чувствовал холод кандалов на запястьях, но позволил себе лишь едва заметную усмешку. Пусть думают, что железо держит его. На самом деле оно держало только руки – не дух.

Если они ведут меня на смерть – я встречу её прямо. Я не упаду на колени, не стану умолять. Ни за жизнь, ни за милость. Пусть видят во мне вора, крысу с улиц – но не сломленного.

Он вспомнил мать, её иссохшие руки, запах хлеба, которого всегда не хватало. Отец, молчаливый и уставший, вечно склонённый над пустым прилавком. Они уже давно оста-

лись позади, но Кай всегда носил в себе то чувство голода – не только к еде, но и к жизни. Именно этот голод сделал его вором, научил красть у судьбы. Мысль о смерти не пугала его так сильно, как мысль умереть жалким. Это было хуже любого кнута, хуже самого глубокого подземелья.

Поэтому он шёл с высоко поднятой головой, хотя сердце стучало быстро и тяжело. Стражники справа и слева, словно не замечали этого – для них он был просто пленником, шаг за шагом поднимающимся вверх.

Они сворачивали один коридор за другим, пока камень вокруг не стал светлее. Лестница вела вверх, и на каждом пролёте воздух менялся: из тяжёлого и влажного он становился суше, свежее, будто в нём появлялся вкус простора.

Кай поднимал глаза и видел факелы в бронзовых держателях. Они горели ярче, чем чадающие смоляные факелы внизу. Тени были не такими вязкими, а свет ложился на стены ровнее, раскрывая не мох и плесень, а узорчатые камни и резные каменные плиты.

Он вдохнул глубже и впервые за много дней почувствовал запах не сырости, а настоящего воздуха – в нём смешивался дым, дерево, немного железа и что-то ещё, что всегда есть в замках: привкус власти, давящий и холодный.

Шаги отдавались в лестничном пролёте гулко, и этот звук был почти торжественным. Кай шёл в кандалах, но в его движениях появлялась странная упругая энергия: он чувствовал, что каждый шаг приближает его к чему-то новому.

Это не путь к плахе. Нет. Это что-то другое.

С каждым шагом вверх в голове Кая роились догадки. *Не похоже на казнь. Слишком тихо. Слишком чисто. Слишком много света.* Он смотрел на стены, на оружие, развешанное в нишах, и понимал: его ведут к кому-то, кто сидит выше стражников. Выше обычного суда.

Мысль была острым занозом. Вор вроде него редко был нужен кому-то наверху. Разве что для примера: показать другим, как карают тех, кто крадёт у короны. Но это походило не на показную казнь – слишком много скрытности в их шаге, слишком мало зрителей.

И всё же внутри было тяжело. Сердце стучало громче, чем хотелось бы. Он чувствовал, как между лопатками растёт липкий холод, будто его ведут не просто к человеку, а к чему-то неизбежному.

Я не железный. Я тоже боюсь. Просто не показываю. Никому. Даже себе не признаюсь.

Он сжал зубы, и кандалы зазвенели громче. В этом звуке ему чудилось собственное сердце – дрожь, которую он пытался подавить. Кай не был героем. Он был вором, упрямым и злым, но всё равно человеком. И сейчас – человеком, которого вели неизвестно куда.

Они вышли на широкий коридор, и Кай едва не прищурился от яркого света. Факелы стояли в позолоченных держателях, на стенах висели ковры с узорами, а каменные плиты пола блестели так, будто их только что натёрли.

Его взгляд скользил по всему этому, и в груди поднялась горечь. Он ненавидел эту показную красоту. Каждая золотая нить в ковре казалась ему украденным хлебом, каждая резная колонна – похороненной мечтой тех, кто умирал в грязи и голоде.

Он вспомнил свой дом: покосившиеся балки, пустой прилавок, мать, считавшую последние крошки муки. В памяти снова ожил запах сырости и дыма. И теперь – эта роскошь, от которой тянуло тошнотой.

Кай отвернулся от ковра и поднял подбородок выше, будто хотел показать, что его не проняло. Но внутри что-то горело – не зависть даже, а злоба, старая, как его жизнь.

Коридоры становились всё просторнее. Кай заметил, что факелы здесь уже не чадили дымом, а горели ровно, без копоти. Потолки были выше, окна встречались чаще, и в них струился свет, которого он не видел столько дней.

Его шаги звучали громче на гладком полу, и стражники по бокам будто выпрямились, делая свои движения ещё более чёткими. Это было похоже на церемонию, хотя он сам был в кандалах.

Кай поднял глаза и впервые за всё время ощутил не страх, а холодное любопытство. Он понял: его ведут к самому центру власти. К тому, кто решает чужие судьбы, играя ими так, как богачи играют в свои пиры. Мысль была странной. Опасной. Но именно в ней зажглась искра надежды. Если он нужен, значит, у него есть шанс. Пусть и маленький.

Кай чувствовал, как холод пробирается под кожу, будто стены замка были сотканы не из камня, а из самого страха. Каждый шаг по гладкому полу отзывался в груди, сердце билось чаще, чем хотелось. Мысль пронзила его, и на миг захотелось остановиться, упереться ногами, закричать: «*Отпусти мне!*» Но он сжал зубы и заставил себя идти дальше.

Он поднял голову выше, губы растянулись в насмешливую тень улыбки. Но в глазах мелькнула дрожь – едва заметная, только для него самого.

Он всегда был дерзким. Даже в детстве, когда впервые украл яблоко на рынке и получил за это удар кнутом, он не плакал. Он смотрел в глаза стражнику и улыбался так, будто украл не яблоко, а кусочек его гордости.

Свобода – в том, чтобы делать то, что другие боятся.

Кай чувствовал кандалы, железо впивалось в запястья, но внутри он оставался свободным. Никто не мог забрать у него эту дерзость – ни стража, ни стены, ни сам король, если бы тот сидел сейчас перед ним.

Дверь, перед которой они остановились, была не похожа на другие. Толстое дерево, железные накладки, и на уровне глаз – символ: вытянутая фигура сокола с распахнутыми крыльями. Стражник ударил кулаком по створке, звук гулко прокатился по коридору, и через миг дверь открылась. Кая толкнули внутрь.

Первое, что он заметил, – тишина. В комнате не было обычного гула замка: ни шагов, ни голосов, ни лязга ору-

зия. Здесь царил тишина, будто сама комната была вырезана из воздуха.

Длинный стол был завален картами и свитками. На полках вдоль стен – книги, запечатанные в кожаные переплёты. В углу мерцали свечи в канделябре, их огонь отражался в металлических кубках и кинжалах на столешнице.

Окно было приоткрыто, и сквозь него врвался утренний свет. Он падал на пол полосами и делал воздух золотым. Но именно это свечение казалось холодным: оно не грело, а высвечивало каждую тень.

Кай ощутил, как спина напряглась. Всё здесь дышало властью. И эта власть была чужой, тяжёлой, как груз на плечах.

Зачем я здесь?

Он сразу заметил человека у окна. Тот сидел в кресле, облокотившись на подлокотник, и казался частью этого света, что лился в комнату. Силуэт был резкий: широкие плечи, длинный плащ, тень от волос, упавших на лицо.

Кай не видел глаз, но чувствовал взгляд – тяжёлый, пристальный, будто этот человек рассматривал его ещё с тех пор, как дверь открылась.

Незнакомец не спешил говорить. Тишина тянулась, и каждый её миг был хуже удара кнута. Стражники стояли по обе стороны двери, неподвижные, как каменные изваяния.

Кай выпрямился, хотя кандалы тянули руки вниз. Он уставился прямо в сторону окна, позволяя себе дерзкую улыбку.

Ну же. Скажи хоть слово. Убей молчание.

И словно услышав его, незнакомец пошевелился. Лёд пробежал по спине Кая: не движение было страшным, а то, как оно прозвучало в воздухе – мягко, но властно, будто даже стены слушали.

– Вот значит какой ты... – голос был низким, размеренным. – Вор, которого я так ждал.

Незнакомец поднялся из кресла. Его шаги были медленными, но в каждом слышалась уверенность человека, привыкшего к власти. Он подошёл ближе, свет из окна лёг на его лицо, но так, что Кай всё равно видел больше тени, чем черт.

– Кай, – произнёс он спокойно, будто пробуя это имя на вкус.

Звук прозвучал так, будто оно всегда принадлежало ему. Как будто он произносил не просто имя, а ключ, который открывал давно закрытую дверь.

У Кая внутри всё сжалось. Никто в замке не должен был знать его настоящего имени. На улицах он был прозван по-разному – «Ловкий», «Крыса», «Бродяга», но имя... его имя знали только немногие.

Стражники молчали. В комнате снова воцарилась тишина, пронзительная и напряжённая.

Кай прищурился, вытянул губы в кривую усмешку, стараясь скрыть дрожь в сердце.

– Ну, раз уж вы знаете, кто я... – сказал он дерзко. – Может, скажете, кто вы?

Незнакомец чуть склонил голову, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на улыбку:

– Тот, кто даст тебе выбор.

Слова прозвучали тихо, почти буднично, но они разрезали тишину комнаты, как нож ткань.

Выбор.

Кай уловил в этом нечто опасное. В его жизни редко кто давал ему право выбирать. За него выбирал голод. За него выбирали стражники, когда тащили в темницу. Даже судьба, казалось, решила, что он будет воровать, или умрёт.

И вдруг – этот человек, властный и уверенный, произносит слово, которое звучит, как насмешка.

– Выбор? – переспросил Кай, хмыкнув. – У меня таких не бывает.

Незнакомец шагнул ближе, так что свет лёг на его руку, сжимающую перо над картой. Он провёл им по краю бумаги, словно подчеркивая то, что говорил.

– В этот раз будет. Но помни: за каждый выбор платят.

Он снова замолчал, а в этой тишине у Кая вдруг похолодело внутри.

Выбор... или приговор.

Глава 5

О дороге, что ведёт в неизведанное

«Неизведанное не любит случайных шагов, но всё равно принимает их»

Спустя некоторое время правления нового короля

Тронный зал казался больше, чем прежде. Без прежнего короля в нём стало как-то пусто, хотя колонны и витражи всё ещё сияли прежней роскошью. Покой и мудрость, что некогда исходили от этого места, растворились, будто утренний туман. Теперь здесь звучал только один голос – властный, резкий, с привкусом металла.

Король Деймар сидел на троне, небрежно упершись на подлокотник. На коленях у него лежал свиток, перевязанный серебряной нитью, и он, не торопясь, скользил пальцем по восковой печати.

– Любопытно, – произнёс он наконец, едва заметно усмехнувшись. – Видимо, южане всё же решили склонить голову.

Рядом стоял Сетх – новый советник, человек острый, как клинок. Его лицо не выражало ничего, кроме холодного удовлетворения.

– Они устали от угроз других королевств, – ответил он. – а их король стареет. Им нужен союз, и они готовы платить.

Деймар развернул письмо, позволив пергаменту расправиться медленно, как распахивающиеся крылья. Читал он без спешки, глотая строки глазами, словно наслаждался каждым словом. На лице постепенно появлялась ухмылка – не радость, не удивление, а то самое торжество, когда власть подтверждает саму себя.

– Женитьба, – сказал он, будто смакуя. – Они предлагают союз через брак. Их принцесса... Агнес.

Имя произнёс он с таким презрительным удовольствием, будто уже видел, как девушка склоняет голову перед ним.

– Интересно, – продолжил он, вставая с трона. – Её имя звучит мягко.

– Это укрепит границы, – заметил Сетх. – И даст тебе право на южный выход к морю.

– Мне не нужны их рудники и моря, – Деймар обошёл зал, задевая пальцами резные колонны. – Мне нужно их имя. Пусть их народ склонится перед моим. Пусть запомнят, что Арвенн и Иллария теперь одно – под моей рукой.

На миг он остановился, глядя на витраж, где было изображено солнце – символ мира его отца. Лучи стекла играли золотом на камне, и Деймар вдруг рассмеялся – громко, отрывисто, почти безумно.

– Отец говорил, что мир строится на взаимности. – усмехнулся он. —

Из тени выступил Эрвин. Он стоял там давно, но братья будто не замечали его. Младший, светловолосый, в простом сером камзоле, без плаща, без знаков власти. Он выглядел чужим в этом зале, как луч солнца в пещере.

– Ты не можешь принять это решение, не выслушав совет, – тихо сказал он, глядя на брата.

– Совет? – Деймар поднял бровь. – Совет тех, кто прячется за словами, чтобы не брать ответственность? – Он подо-

шёл ближе, шаги его отдавались гулом. – Отец умер, Эрвин. Теперь нет никого, кто укажет мне, что могу, а чего нет.

– Но есть народ, – спокойно ответил Эрвин. – Есть те, кто живёт твоими решениями. Разве ты не видишь, что этот брак – цепь для них обоих?

– Цепи нужны, чтобы держать порядок, – холодно произнёс король. – Без цепей всё распадается.

Он никогда не говорил об этом, но каждый раз, когда Эрвин входил в зал, Деймар чувствовал, как внутри что-то сжимается. Как будто он снова слышал голос отца: «Брат твой мягче тебя... но люди к нему тянутся».

На мгновение их взгляды встретились. Эрвин видел в глазах брата не силу, а пустоту. Ту бездну, что приходит, когда власть становится самоцелью. Он хотел сказать ещё что-то, но Сетх вмешался:

– Простите, но договор нужно утвердить сегодня. Иллэрия ждёт ответа.

– Тогда передайте им, – сказал Деймар, снова садясь на трон, – что я согласен. Свадьба состоится. Пусть привезут её сюда, во дворец Арвенна. Я хочу видеть свою будущую королеву... как можно скорее.

Он наклонился вперёд, улыбаясь.

– И добавь: если их послы замедлятся – я отправлю за невестой сам.

Эрвин шагнул вперёд.

– Это угроза, брат. Так не начинается мир.

– Это начало моей эпохи, – отрезал Деймар. Он поднял руку, и стража в серебряных латах тут же сделала шаг вперёд. – Ты устал, Эрвин. Отдыхай. И не мешай мне строить королевство, каким оно должно быть.

Сетх тихо поклонился, собирая бумаги. Эрвин остался стоять, неподвижный, словно корни сдерживали его ноги. Он понял, что всё уже решено – и что никакие слова не достигнут сердца, которое окаменело.

Когда зал опустел, Деймар ещё долго сидел один. Пальцы его постукивали по подлокотнику, создавая ритм, будто марш. Он представлял, как будет выглядеть процессия: белые флаги, карета с принцессой, толпы, склоняющие головы. Её мягкий, послушный силуэт в золотом платье. Своё величие, сияющее над всем.

Он не думал о том, что где-то далеко, за снежными горами, юная Агнес в этот самый миг роняет письмо на колени. И не понимает, почему руки её дрожат.

Тем временем на юге

В то утро белизна окутала всё: башни, рощу у дворца, даже старую калитку сада, за которой Агнес любила прятаться, когда была ребёнком. Она сидела у окна, кутаясь в серый платок, и следила, как листья цепляются за стекло, будто просят впустить их внутрь.

Стук в дверь прозвучал слишком резко для этого тихого утра. Молодая фрейлина, бледная, растерянная, вошла и низко поклонилась.

– Ваше высочество... отец просит вас в тронный зал.

Агнес почувствовала, как сердце пропустило удар. Вызов в зал означал одно – что-то важное. Но по взгляду служанки она уже знала: ничего хорошего там не ждёт.

Она поднялась, медленно, будто стараясь оттянуть неизбежное. На шее висел кулон – старинная подвеска с изображением птицы, подарок матери. Пальцы сами потянулись к нему, привычным движением, словно в этом предмете заключалась защита. Когда мать умирала, она сказала: *«Пусть это напомнит тебе, что ты свободна, даже если тебе скажут обратное»*.

И сейчас, спускаясь по лестнице, Агнес сжимала кулон так крепко, что ногти врезались в ладонь.

В тронном зале пахло свечами и металлом. На стенах колыхались гобелены – сцены старых побед, где героини смотре-

ли вниз, будто судили тех, кто жил теперь. Отец сидел на троне, усталый, постаревший, но взгляд его был твёрдым. Рядом стоял посол Арвенна – высокий мужчина в чёрном плаще с гербом ястреба на груди.

– Агнес, дорогая, подойди, – сказал король.

Она послушно подошла, чувствуя, как воздух становится тяжелее с каждым шагом. Посол склонился в поклоне.

– Ваше высочество, я прибыл с радостной вестью, – произнёс он, и даже вежливость его голоса звучала как приговор. – Наш король, Деймар из Арвенна, принял предложение вашего отца. Союз между нашими королевствами будет скреплён браком.

Слова будто ударили воздух, заставив его задрожать. Агнес не сразу поняла, что сказала вслух:

– *Браком?..*

Посол улыбнулся, но в этой улыбке не было тепла.

– Да, принцесса. Свадьба состоится уже в следующем месяце.

Она медленно повернулась к отцу. Он не смотрел на неё. Просто сидел, словно каменный, с руками, сжатыми на подлокотниках.

– Отец... – её голос дрогнул. – Скажи, что это шутка. Что я не...

Он поднял руку, останавливая её.

– Агнес, ты знаешь, что времена трудные. Наши границы хрупки, запасы истощаются. Арвенн силён. Этот союз – спа-

сение для нас обоих.

– *Спасение?* – повторила она с горечью. – Спасение от чего? От жизни? От выбора?

– От гибели, – тихо ответил он. – Ты должна понять... иногда личное счастье ничтожно перед судьбой народа.

Агнес почувствовала, как мир вокруг будто стал меньше. Все эти колонны, своды, флаги – они вдруг стали чужими. Как будто это был не её дом, а клетка, стены которой тихо смыкались.

Посол, довольный, чуть поклонился.

– Наш король уже готовит приём для невесты. Мы можем отправиться, как только будут готовы сопровождение и подарки.

Она шагнула вперёд.

– Нет, – вырвалось у неё. – Пожалуйста... я не хочу. Я не могу.

Голос сорвался, глаза наполнились слезами.

– Отец, я умоляю... не отдавай меня ему. Я не вещь. Я не обещание на пергаменте!

Старый король тяжело выдохнул и отвёл взгляд.

– Прости, дитя. Иногда даже любовь бессильна перед властью.

Она закрыла лицо руками. Всё вокруг: голоса, звуки, дыхание факелов – превратилось в гул, будто море накрыло её голову. Посол повернулся к королю:

– Мы будем ждать у ворот три дня. После этого обязаны

тронуться. Король не терпит задержек.

Когда они ушли, зал опустел. Агнес стояла в тишине. Она сняла корону, положила на ступени и долго смотрела на неё. Как на что-то чужое, отдалённое, не имеющее больше смысла.

Слуги боялись подойти. Она же просто вышла в сад – туда, где когда-то в детстве бегала босиком по росе.

Она присела у старого дуба, прислонилась к коре и позволила слезам течь.

– Почему я? – прошептала она. – Почему всё должно быть через боль?

И тогда ветер качнул ветви, будто отвечая: *Потому что свет приходит к тем, кто его хранит, даже когда вокруг тьма.*

Дверь в покои Агнес захлопнулась с глухим звуком, будто отрезав её от всего мира. Тяжёлые гардины, затянутые с силой, не пропускали ни единого луча. В комнате стоял запах воска, лаванды и свежего снега – тот едва заметный аромат, что всегда проникал сквозь каменные щели замка, когда на дворе была зима.

Агнес стояла у двери, обессиленная. Слезы, что так долго сдерживала при отце, теперь лились без остановки. Она прижимала ладони к лицу, будто могла спрятаться даже от самой себя. В груди щемило, дыхание сбивалось – и от каждого всхлипа сердце отзывалось болью, похожей на удар.

Она подошла к кровати, села, потом легла, уткнувшись

лицом в подушку, и закричала в ткань, чтобы никто не услышал.

– Почему... почему он так со мной поступил... – слова тонули в рыданиях. – Я ведь... я ведь всегда старалась быть послушной...

Снаружи – шаги. Осторожные, тихие, почти неслышимые. Потом – лёгкий стук в дверь.

– Ваше высочество?.. – голос был мягкий, с хрипотцой, будто тёплый чай с мёдом. – Это я... Марта.

Стук повторился.

– Агнес, дитя моё... открой, пожалуйста.

Но принцесса лишь сильнее сжала одеяло в руках, не отвечая. Она не хотела, чтобы кто-то видел её в таком виде – растрёпанную, дрожащую, с глазами, покрасневшими от слёз.

За дверью послышался тихий вздох.

– Если не хочешь открывать – не нужно. Я просто... посижу рядом.

Наступила пауза, и через несколько мгновений Марта прислонилась к двери, как будто могла согреть её своим присутствием. Агнес слышала, как женщина тихо что-то напевает под нос – старую колыбельную, ту самую, что пела ей мать, когда она была совсем маленькой.

Прошло, наверное, минут десять, прежде чем в груди у Агнес что-то дрогнуло. Она встала, подошла к двери, пальцы нерешительно легли на холодную бронзовую ручку. Мгновение – и замок щёлкнул.

Дверь приоткрылась.

Марта стояла в коридоре – полная, приземистая, с круглым добрым лицом, на котором отражалось беспокойство. Русые волосы, как всегда, были убраны в аккуратный пучок. Она держала в руках небольшой поднос с чашкой горячего молока и тёплой булочкой – привычный жест заботы, который для Агнес всегда значил «я рядом».

– Моя бедная пташка, – прошептала Марта, входя и осторожно закрывая за собой дверь. – Все знают, что ты сильная. Но даже сильные могут плакать.

Агнес не выдержала – шагнула к ней и, как ребёнок, уткнулась в её плечо. Марта обняла её крепко, по-матерински. Ничего не говорила, просто гладила по волосам, чувствуя, как хрупкое тело дрожит у неё в руках.

– Всё... всё хорошо, – шептала она. – Пусть выйдет боль. Пусть всё выйдет.

Агнес рыдала ещё долго, как будто выплёскивала всё накопленное отчаяние. Когда, наконец, дыхание стало ровнее, Марта усадила её на кровать и подала чашку.

– Выпей, милая. Тепло успокаивает сердце.

Принцесса молча кивнула. Глоток – и горячее молоко обожгло язык, но этот обжигающий вкус напомнил о жизни. Она смотрела в кружку и тихо сказала:

– Почему люди так легко решают судьбы других?

Марта села рядом, её ладони, грубые от лет работы, лежали спокойно на коленях.

– Потому что им страшно, – произнесла она. – Когда люди боятся потерять власть, они перестают видеть в других людей. Им кажется, будто можно удержать жизнь, если держать других за горло.

Агнес подняла глаза.

– Но ведь можно править... иначе. Без крика. Без боли.

Марта улыбнулась.

– Можно. И будут такие, кто сумеет. Просто не все ещё доросли до этого.

Принцесса опустила взгляд, пальцы сами потянулись к кулону на шее. Она провела по нему большим пальцем – привычное, утешающее движение.

– Я не хочу туда ехать, Марта. Не хочу в Арвенн.

– Я знаю, – тихо ответила женщина. – Но иногда путь, которого мы боимся больше всего, оказывается тем, что меняет нас.

Агнес горько усмехнулась.

– Я не хочу меняться, если для этого нужно умереть живой.

Марта чуть сжала её руку.

– Ты не умрёшь. Ты просто узнаешь, кто ты на самом деле.

Тишина растянулась. Они сидели рядом, слушая, как за окном ветер играет с ветвями деревьев. Пламя свечей колыхалось на сквозняке, и комната, хоть и утопала в полумраке, стала похожа на тёплую утробу мира, где можно на время спрятаться от боли.

– Расскажи мне... – сказала вдруг Агнес. – Ты ведь видела Арвенн, правда?

– Видела, – кивнула Марта. – Когда я была моложе, служила при дворе их покойного короля. Хороший был человек. Мудрый, справедливый. Его любили и простые, и знать. Но после его смерти всё изменилось.

Агнес слушала, затаив дыхание.

– Старший сын, нынешний король... – Марта замялась, подбирая слова, – в нём много огня. Но не того, что согревает – а того, что сжигает.

Марта улыбнулась чуть теплее.

– О его брате говорили. Мягкий сердцем. В нём есть свет. Может, именно он – твоя нить к добру в том месте, куда тебя везут.

– Можно я побуду одна? – тихо спросила она, посмотрев в окно.

Марта встала, поправила одеяло на кровати.

– Конечно, дитя моё. Но если станет тяжело – позови. Я рядом. Всегда.

Она вышла, тихо прикрыв дверь. Агнес осталась сидеть, прижимая к груди кулон. Слезы уже не текли. Осталась только пустота и усталость. Она знала, что завтра её начнут готовить к отъезду. Что на рассвете наденут белое платье и надушат волосами розовым маслом. И что никто не спросит, хочет ли она быть невестой чужого короля.

Но где-то под этой усталостью теплилось крошечное чув-

ство – не надежды, нет... а какого-то непонятного ожидания. Как будто судьба, даже изломанная, всё же приготовила ей не только боль.

Дверь за Мартой едва успела закрыться, как тишина снова опустилась на комнату, плотная, звенящая. Агнес сидела неподвижно, сжимая в руках кулон, чувствуя, как между пальцев проступает тепло металла. Слёзы больше не текли, но их следы жгли кожу – будто соль после ожога.

Мир казался чужим. Каждая вещь – кресло, канделябр, платье на кресле – вдруг перестала быть частью её жизни. Они словно уже принадлежали кому-то другому. Комната, где она выросла, где смеялась, пряталась от уроков, теперь была просто клеткой, в которой она ждала, когда её заберут.

Она поднялась, подошла к зеркалу. Лицо – бледное, губы дрожат. Волосы сбились, на шее кулон покачивался, отражая тусклый свет свечей.

«Я не смогу...» – прошептала она, глядя на своё отражение. И в тот же миг в груди что-то оборвалось.

Она резко развернулась, почти споткнулась о подол и побежала к двери. Ноги не слушались, но сердце гнало вперёд. – Марта! – сорвалось с губ. – Марта!

Коридор встретил её эхом шагов. Свечи на стенах колыхались от сквозняка, будто тоже удивлялись этой внезапной беготне. Принцесса, не заботясь о приличиях, босиком бежала по холодному камню, и где-то вдалеке уже виднелась фигура – свет фонаря, тёплое пятно в конце коридора.

Марта обернулась. Она не успела уйти далеко – стояла, поправляя платок, собираясь спуститься к служебным покоям. Когда увидела Агнес, её лицо побледнело от испуга.

– Агнес! Что случилось?

Принцесса почти влетела в неё, обхватив руками, как утопающий хватает за воздух.

– Пожалуйста... не оставляй меня... – её голос дрожал, обрывался. – Поедь со мной, прошу... если я останусь одна – я пропаду...

Марта замерла, чувствуя, как к груди прижалось дрожащее тело. Она обняла её крепко, с тем спокойствием, каким укрывают детей от грозы.

– Тише, милая. Всё хорошо, – сказала она тихо. – Всё будет хорошо.

– Нет, – Агнес качала головой, слова вырывались всхлипами. – Не будет. Там чужие люди. Там чужие стены. А он... он... – она запнулась, не найдя слов. – Я не смогу без тебя, Марта.

Марта чуть отстранилась, посмотрела в глаза принцессы. Там был ужас – не детский каприз, не жалоба, а настоящий, неподдельный страх перед неизведанным. И Марта всё поняла.

Она провела рукой по её щеке, убрала выбившуюся прядь.

– Если король позволит, я поеду с тобой, – произнесла она. – И даже если не позволит... я всё равно найду способ.

– Правда? – прошептала Агнес.

– Правда. Я обещаю, дитя моё.

Принцесса всхлипнула и крепче обняла её. Так стояли они долго – две фигуры в полутёмном коридоре, окружённые мерцающим светом свечей, будто время на миг остановилось, чтобы сохранить эту клятву.

Когда Агнес наконец отступила, дыхание всё ещё было неровным, но в глазах появился слабый отблеск спокойствия.

– Спасибо, – тихо сказала она. – Я не боюсь, когда ты рядом.

– И не нужно бояться, – улыбнулась Марта. – Ты сильнее, чем тебе кажется. Только... не забывай дышать. Иногда это всё, что требуется, чтобы прожить ещё один день.

Они вместе вернулись в покои. Марта зажгла ещё одну свечу, поставила её у изголовья кровати. Пламя мягко трепетало, отбрасывая на стены золотистые отблески.

Агнес легла, но не отпускала руку Марты, пока та сидела рядом.

– Расскажи мне... что-нибудь, – попросила она устало.

Марта улыбнулась, обдумывая, с чего начать, и заговорила тихо, почти шёпотом, словно боялась разбудить саму ночь:

– Когда-то давным-давно, в одном холодном королевстве, жила девочка, которая думала, что её сердце слишком хрупкое для мира. Она боялась всех – ветра, грозы, даже собственного отражения. Но однажды она встретила птицу, что

умела петь без страха. И каждый день слушала её песни, пока не поняла, что сама может петь так же...

Голос Марты был ровным, убаюкивающим. Агнес слушала, и постепенно дыхание стало тише, движения – мягче. Она заснула, всё ещё сжимая руку женщины.

Марта долго смотрела на её лицо – юное, измученное, но всё же светлое. Потом шепнула:

– Я сдержу слово, Агнес. Куда бы тебя ни везли, я буду рядом.

Она поправила одеяло, затушила свечу у окна и осталась сидеть у кровати до самого рассвета, когда в окнах замка впервые запылал слабый свет.

Утро выдалось тихим – слишком тихим для замка, привыкшего к звону оружия, шагам стражников и щебету придворных. Первые лучи солнца пробились сквозь плотные шторы, рассекая комнату тонкими золотыми линиями. Пыль в свете казалась похожей на крошечные бабочки, застывшие в воздухе, будто сама жизнь боялась шевельнуться, чтобы не нарушить эту мёртвую тишину.

Агнес сидела у окна, неподвижная, словно статуя. На ней уже было светлое дорожное платье – лёгкое, с вышивкой по подолу, которую она некогда сама выбирала для весенних прогулок в садах Иллари. Теперь же ткань казалась чужой, как и отражение в зеркале.

Служанки тихо сновали по комнате, складывали в сундуки платье за платьем, аккуратно перевязывали ленты, прята-

ли драгоценности в бархатные мешочки. Ни одна не решалась заговорить – ни спросить, ни утешить. Всё вокруг напоминало погребение, только вместо тела – живая девушка, в глазах которой уже не осталось света.

Одна из служанок, девочка лет пятнадцати, не выдержала и, взглянув на Агнес, тихо всхлипнула. Другая одёрнула её – быстро, почти грубо.

– Тише. Не смей, – прошипела она. – Нас слышат.

Агнес услышала, но не отреагировала. Она просто повернула голову к зеркалу и долго смотрела на себя.

В отражении – женщина, не девочка. Волосы густые, каштановые, спадают волнами на плечи, будто огонь, потушенный дождём. Щёки – мягкие, округлые, но без прежнего румянца. Кожа бледная, почти прозрачная. Глаза – большие, карие, но в них застыл тот же страх, что был в ночь перед этим. Когда-то эти глаза светились добротой, нежностью, теперь же оттуда смотрела тишина.

– Принцесса, – раздался голос от двери. – Мы почти закончили.

Агнес кивнула, не поворачиваясь. Она дотронулась до кулона, висевшего на шее, – простого медальона с резной лилией. Память о матери, которую она почти не помнила. Пальцы дрожали, когда она сжимала его, будто в этой холодной стали ещё можно было найти хоть немного тепла.

Дверь тихо открылась – вошла Марта. Уставшая, с красными глазами, но с тем же спокойствием, с которым встре-

чают бурю.

– Моя дорогая... – начала она и осеклась, увидев Агнес. Её сердце сжалось. – Ты как?

– Пусто, – ответила принцесса глухо. – Просто пусто.

Марта подошла ближе, хотела обнять, но Агнес подняла взгляд, будто что-то почувствовала. У порога стоял посланник – молодой страж с гербом Арвенна на плаще.

– Госпожа Марта, – произнёс он холодно. – Король Арвенна передал распоряжение: совет решил, что вам надлежит остаться.

Слова прозвучали, как удар. Марта побледнела.

– Как... остаться? Но я... я должна быть с ней.

Страж лишь поклонился, не поднимая глаз.

– Приказ. Сегодня в полдень отъезд. Кареты уже готовы.

Он ушёл, а в комнате осталась гулкая тишина, прерываемая только скрипом сундуков.

Агнес смотрела на Марту широко раскрытыми глазами.

– Нет. Нет, нет, – выдохнула она. – Ты ведь обещала. Ты же сказала...

Марта подошла и взяла её за руки.

– Я и не нарушаю обещания, слышишь? – голос дрожал, но был твёрдым. – Я найду способ. Если придётся – доберусь до тебя позже, пешком. Через леса, через границы, но я найду тебя.

Агнес стиснула её пальцы.

– Я не хочу быть там одна, – прошептала она. – Они смот-

рят на меня как на вещь. Как будто я не человек.

– Ты человек, Агнес, – ответила Марта, наклоняясь к ней ближе. – И они это увидят. Может, не сразу... но увидят. Она погладила девушку по щеке. – А пока... не опускай голову. Ты дочь Иллари, и твоя доброта – не слабость.

Эти слова будто пробили брешь в том холоде, что сковал Агнес. Она кивнула, не удержав слёз.

– Помни, – добавила Марта тихо, – что бы они ни говорили... ты – не их добыча. Ты светлее, чем всё, что они способны понять.

Служанки притихли, даже воздух словно замер, слушая. Марта на миг опустила голову, пряча слёзы, потом выпрямилась и поправила на принцессе плащ.

– Тогда иди, – сказала она. – Не оглядывайся. Если будешь смотреть назад – сердце останется здесь.

Агнес хотела ответить, но ком подступил к горлу. Она просто кивнула, и, прежде чем выйти, обернулась ещё раз – взглядом, полным той тихой боли, что не выразить словами.

Марта стояла в дверях, когда принцессу увели по коридору. Её платье шуршало по камню, волосы мягко колыхались при каждом шаге. Всё выглядело будто сценой из сна – прекрасной и безысходной одновременно.

Когда дверь закрылась за последней служанкой, Марта наконец позволила себе упасть в кресло и закрыла лицо руками. Слёзы катились по щекам, но она не рыдала. Просто сидела, слушая, как вдалеке лошади бьют копытами по кам-

ням, готовясь к пути, который уведёт её девочку прочь – в чужой мир, где доброта может стать оружием, а мягкость – проклятием.

Она подняла голову и прошептала в тишину:

– Береги её, небо. Пусть небо хотя бы будет рядом.

Мраморный зал звенел шагами. Агнес шла между двух стражников, и холод каменных плит отзывался болью в ступнях, будто каждый шаг оставлял след не на полу, а прямо на сердце. Её платье – пышное, белое, с серебряной вышивкой – тянулось по полу, словно невеста уже несла за собой траур.

Позади остался голос Марты – надломленный, срывающийся, глухой от слёз.

– Пустите... она не должна быть одна! – но в ответ прозвучал лишь сухой приказ:

– Фрейлинам запрещено сопровождать королевскую невесту.

Марта бросилась за ними, но широкие двери захлопнулись прямо перед ней. Тяжёлый замок защёлкнулся – глухо, как приговор. Агнес обернулась на звук, но успела лишь увидеть, как в щель двери мелькнула ладонь Марты, отчаянно пытающаяся достучаться. Мир за дверью будто выдохнул, и Агнес осталась одна – среди чужих лиц, пустых стен и неизбежности.

– Ваше Высочество, прошу вас, – сказал один из стражей, не глядя ей в глаза. – Мы должны идти.

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Слезы текли без звука, но внутри всё кричало – от бессилия, от страха, от чувства, что у неё отнимают не просто свободу, а саму жизнь.

На дворе ждал каретный кортеж. Лошади, словно чувствуя чужую боль, переступали копытами, фыркая в утренний воздух. Карета – роскошная, украшенная гербом Илларии – сияла золотом, но Агнес видела в ней клетку.

Глава 6

О деве, чьё имя забыто ветром

«Но ветер никогда не забывает по-настоящему – он лишь прячет»

Лошади нетерпеливо переступали с ноги на ногу. Солнце било в латунные заклёпки на сбруе, ослепляя. Карета ждала – тяжёлая, высокая, с гербом нового короля, где два скрещённых меча держали в когтях птицу с расправленными крыльями.

Марта подала ей руку, помогая подняться. Внутри пахло новой тканью и пылью – всё было чужое, от обивки сидений до тонких золотых ручек на окнах. Когда дверь захлопнулась, звук отозвался внутри груди, будто за ней закрыли не просто карету – целую жизнь.

Агнес не сразу посмотрела в окно. Она слышала, как Марта что-то кричит вслед, как колёса скрипят по камню. Лишь когда колокольчики на упряжи зазвенели мягче, и шум ворот остался позади, она открыла глаза.

За стеклом медленно текла Иллария – тёплая, золотая, пронизанная светом. Сады за домами, цветы у колодцев, море вдалеке – блестящее, как зеркало, где солнце каждый день смотрится перед сном. Люди останавливались, склоняли головы, когда проезжала карета с гербом. Кто-то бросал лепестки, кто-то просто стоял, молча.

Агнес смотрела на них и чувствовала, как её сердце сжимается не от страха – от странной, тихой злости. *Почему они радуются? Почему никто не пытается остановить?*

Она прижала ладонь к стеклу, словно хотела дотронуться до города, который любила. Пальцы оставили след, и в этом следе на миг отразилось солнце.

– Какой же ты красивый... – прошептала она. – И как легко отпускаешь.

Лошадей гнали быстро. Дорога уходила вдоль побережья, где волны били в скалы, а воздух становился влажным и холоднее. Лёгкие золотые поля сменялись участками дикой травы, где цвели фиолетовые цветы с тонкими лепестками. Агнес знала их имя – морская астра. Мать говорила, что они цветут только там, где слышен прилив.

С каждым часом запах соли утихал. Ветер стал суше, а солнце – тусклее. Линия горизонта, прежде прозрачная, теперь тонула в дымке, и море исчезло так же внезапно, как и детство. Карета тряслась на ухабах. Служанка, сидевшая напротив, дремала, уронив голову на подушку. Агнес молчала. Она не хотела засыпать – будто если уснёт, проснётся

уже в другой жизни.

Она достала из-под сиденья маленькую деревянную шка-тулку – единственную вещь, которую взяла без позволения. Внутри – ракушка. Большая, розоватая, с гладкими завитками. Марта подарила её перед отъездом: «Когда тебе станет страшно, поднеси её к уху – там будет шум моря, и ты вспомнишь, что дом всё ещё рядом».

Агнес приложила ракушку к уху. И правда – что-то шуршало, гулко, будто вздыхало. Не море – память.

Она улыбнулась сквозь слёзы, вытерла их тыльной стороной ладони и посмотрела в окно снова. Теперь ландшафт менялся быстрее: поля уступали место холмам. Лес становился гуще, листья – темнее, воздух – плотнее. Иногда вдали виднелись башни старых крепостей, покрытые мхом, и стаи ворон кружили над ними, будто проверяли, остались ли внутри живые.

Агнес росла в мире, где любое её желание исполнялось ещё до того, как она успевала его озвучить. Она никогда не думала о тяжести слов, потому что в её жизни не было ничего действительно тяжёлого. И когда мир впервые ударил её по лицу – не словами, а болью, страхом и одиночеством – она не поняла, что делать. Она пыталась держаться как принцесса, но внутри неё всё дрожало, как у ребёнка, который потерял мать на базаре.

К вечеру небо заволочло серыми облаками. Дождь не пошёл, но запах его уже был – терпкий, холодный, как камень

после заката. Карета мчалась по узкой дороге, где по обочинам лежали белые камни с выцветшими резными символами. Возница крикнул, чтоб не пугались: «Это старые арвеннские знаки, благословения на дорогу».

Агнес провела взглядом по одному из них. Камень напоминал ей надгробие.

– Здесь всё другое, – сказала она вслух, не ожидая ответа.

Дорога петляла между холмами. Вдалеке поднимались горы – сначала едва заметные, потом всё ближе, темнее, пока не заслонили половину неба. Их вершины блестели снегом, хотя лето ещё не кончилось.

Карета остановилась у постоялого двора. Возница спрыгнул, помог Агнес выйти. Под ногами была уже не мягкая земля, а твёрдый камень. Воздух пах дымом и железом. Из дверей трактира доносились голоса – грубые, низкие, с хрипом. Агнес шагнула внутрь, и в тот миг ей показалось, что вместе с ней в комнату вошёл холод.

Всё было серым: столы, каменные стены, лица. Никто не поднял головы, когда она прошла мимо. Только старик у очага проводил взглядом, в котором было что-то вроде жалости. Она присела у окна, достала ракушку. Прижала к уху – и услышала тишину. Даже море, казалось, осталось слишком далеко, чтобы её звать.

Она не знала, где кончается Иллария и начинается Арвенн. Но знала точно: где-то на этой дороге заканчивается прежняя Агнес.

Ночь опустилась на постоянный двор тихо, без дождя, но с тем особым холодом, что приходит не с неба, а из земли. Агнес лежала, не раздеваясь, на жёсткой постели. Матрас пах овсом и сыростью, под потолком потрескивали балки, а за стеной кто-то мерно храпел. Её пальцы всё ещё держали ракушку. Она подносила её к уху и слушала – теперь там не было ни звука. Только собственное дыхание, тихое, как страх.

Она закрыла глаза. Но сон не пришёл. Каждый раз, когда веки тяжелеют, в памяти вспыхивает лицо Марты – не в улыбке, а в том взгляде на прощание, где было всё: боль, тревога, нежность. А потом тьма снова становится плотной, и в ней будто кто-то шепчет – не слова, а саму мысль: *«Ты уже далеко»*.

На рассвете воздух был горьким от дыма. Возница запряг лошадей, подгонял их хриплым голосом, и вскоре колёса вновь закрипели по камням. Солнце поднялось низко – слабое, как если бы тоже устало идти этим путём.

Дорога пошла вверх. Склоны покрывали сосны, и когда ветер проходил сквозь них, издавался странный звук – будто кто-то тихо пел. Агнес прислонилась к окну. На стекле играли блики утреннего света, но внутри кареты всё равно было прохладно. Иногда ей казалось, что сам воздух здесь тяжелее, чем в Иллари.

– Госпожа, – возница обернулся. – Вон там, если глянете, виднеется граница.

Он кивнул в сторону каменной арки на перевале, где стояли два сторожевых столба с выцветшими гербами. Агнес выглянула. Под аркой, у дороги, стояла старая женщина с корзиной. Она держала в руках хлеб и смотрела на проходящие повозки. Когда их карета приблизилась, женщина чуть поклонилась и подняла руку в знак благословения.

– Вы давно ездите этой дорогой? – первой спросила Агнес.

Он вздохнул, усмехнулся.

– Больше, чем хотелось бы. Сначала под Эдгаром ездил – мир был тихий, народ добрый. Потом всё переменялось.

Агнес подняла взгляд.

– Эдгар... – она произнесла это имя мягко, как будто боялась нарушить что-то святое. – О нём в Илларии говорили с уважением. Мой отец встречал его однажды. Говорил, он похож был не на короля, а на старого учителя – смотрел не свысока, а в самую душу.

Возница кивнул, опуская кружку.

– Да, миледи. Так и было. Он и правду в людях видел, и боль. Не гнал бедняков, не строил новых тюрем. Говорил, что народ – это дыхание страны, а если перекрыть ему горло, задохнётся и трон.

Он усмехнулся.

– Простые мы люди, но умели его любить.

Агнес слушала и чувствовала, как где-то в груди шевелится тепло – почти надежда.

– И что случилось потом?

Старик вздохнул.

– Потом пришёл его сын. Деймар. Младший тогда, Эрвин, – добрый был мальчишка, тихий. Все думали, что он унаследует трон, да только судьба – она любит переворачивать доску, когда никто не ждёт. Деймар не похож на отца. У него в глазах... как будто свет погас. Ходят слухи, что ему снятся кошмары, и с тех пор он велел выбить в стенах дворца новые окна – мол, воздух не проходит.

Агнес молчала. В груди всё звенело – будто что-то внутри треснуло. Она представила себе человека, сидящего в зале из камня, окружённого окнами, сквозь которые не видно света. И впервые ощутила – не страх, а странное сочувствие.

– Спасибо вам, – сказала она тихо. – За то, что рассказали. Возница пожал плечами.

– Просто дорога длинная, миледи. Лучше говорить, чем молчать.

Агнес проснулась от скрипа колёс. Ткань на стенах кареты отсырела, и холод впивался в пальцы. Возница снаружи переговаривался с кем-то коротко, односложно. Когда она выглянула в окно, увидела, что рядом с каретой едут пятеро стражников – молчаливых, в одинаковых тёмных плащах, лица скрыты под капюшонами. На нагрудных пластинах – вырезанная птица с расправленными крыльями, но крылья были опущены вниз, будто в полёте, который закончился. Агнес не сразу поняла, почему её это пугает. Может, потому что эти люди не выглядели злыми – просто пустыми. Их гла-

за, когда ветер отбрасывал край капюшона, были такие же серые, как небо.

Возница что-то шепнул первому из них – тот кивнул, не глядя.

Агнес уловила фразу:

– ...чтобы к полудню быть у северных ворот.

Арвенн стоял на каменных террасах, врезанных в склон горы. Башни поднимались одна за другой, будто росли из самой скалы, и от их вершин к облакам тянулись цепи, чтобы не дать ветру унести небо.

Агнес смотрела – и не могла понять, где конец.

Стражники поравнялись с каретой. Один из них – высокий, с чуть тронутыми сединой висками – глухо произнёс:

– Мы въезжаем в владения Его Величества. Не открывайте окна.

Агнес раздвинула занавеску. Туман расходился, открывая путь к столице. Но это не было царство серого камня, каким она его представляла. Вдоль дороги тянулись огороды, где женщины пололи зелёные растения, похожие на лук, а дети гоняли глиняные колёса. На окнах стояли глиняные горшки с травами. И хотя дым из труб стелился низко, в нём чувствовался запах хлеба.

Возница сказал негромко:

– Здесь когда-то стояли сады. Эдгар приказал их разбить, чтобы горожане могли видеть зелень даже зимой.

Он прищурился, вспоминая.

– Говорят, он сам любил сажать яблони. И даже саженцы из Илларии велел привозить – те, что с розовыми цветами.

Агнес посмотрела внимательнее: и правда, у дороги кое-где стояли старые деревья. Их ветви были кривые, но на некоторых всё ещё цвели редкие розовые бутоны. Между ними сидела девочка, лет десяти. Она держала на коленях куклу и тихо пела. Стражники, ехавшие рядом, не обращали на неё внимания. Но Агнес задержала взгляд – потому что именно в этом мгновении почувствовала: город ещё дышит. Только делает это осторожно, как человек, боящийся разбудить боль.

Въехав внутрь, Агнес увидела улицы – узкие, мощёные, и всё же чистые. По ним ходили люди, несущие корзины с рыбой, с хлебом, с тканями. Да, лица у них были серьёзные, но не мёртвые. Иногда кто-то кивал стражникам, кто-то останавливался, чтобы посмотреть на карету. И в этих взглядах мелькало что-то похожее на надежду. Осторожную, но живую.

Возница тихо сказал:

– Не все забыли Эдгара. Он был добр. При нём в столице даже на зиму цветы не выкапывали. Говорил: «Если корни спят в земле, значит, весна запомнит дорогу обратно».

Агнес улыбнулась – впервые за много дней.

– Красиво сказал.

– Так и жил, – ответил старик. – Красиво.

Когда они въехали на площадь перед дворцом, небо по-

светлело. Здесь камень был чище, светлее – его словно мыли дождём. Вдоль стен росли вьющиеся растения, а у входа журчал фонтан, где сидели две белые птицы. Одна из них вспорхнула, и вода рассыпалась кругами – живыми, блестящими.

Стражники остановились. Возница спешил.

– Мы прибыли, миледи.

Агнес вышла из кареты. Под ногами – гладкий мрамор. Воздух прохладный, но не злой. Он пах розами и пеплом одновременно. Город вокруг шумел тихо, как море вдалеке: ровно, уверенно, будто стараясь напомнить, что под камнем всё ещё течёт жизнь. И тогда она увидела его.

Король Деймар.

Высокий, в тёмно-серых одеждах, без короны. Волосы чуть длиннее, чем положено для военного, глаза – цвета выцветшего янтаря, но без тепла.

Он не двигался, не спускался. Только смотрел, как будто через неё, дальше, туда, где туман встречается с горами. Агнес почувствовала, как стражники позади слегка склонили головы. Воздух вокруг стал плотным, неподвижным. Даже ветер будто боялся дотронуться. Она сделала шаг. Потом ещё один. Колени дрожали, но шаг был твёрдым. Когда между ними осталось лишь несколько ступеней, Деймар заговорил. Голос был низкий, спокойный, будто камень скользил по камню.

– Добро пожаловать в Арвенн, леди Агнес из Иллари.

Она склонила голову.

– Ваше Величество.

Он смотрел на неё долго. В этом взгляде не было ни презрения, ни интереса. Только холодное любопытство, как у человека, который оценивает редкую вещь, прежде чем спрятать её под стекло.

– Надеюсь, дорога не утомила вас, – произнёс он, но в голосе не было вопроса.

Агнес поняла, что отвечать необязательно.

Позади кто-то кашлянул. Стражники уже стояли на коленях. Возница – молча.

Она вдруг вспомнила слова старика: *«Он велел выбить новые окна, чтобы проходил воздух»*. Но воздух здесь не проходил. Он умирал, не успевая дойти до порога. Деймар кивнул кому-то невидимому. Двери дворца распахнулись.

– Вас ждут, – сказал он. – Мир Арвенна теперь – ваш дом.

И в тот миг Агнес впервые подумала, что, возможно, это приглашение звучит как приговор. Комната была полутёмная. Шторы тяжёлые, серо-зелёные, как водоросли, задерживали свет. Агнес открыла глаза и долго не могла понять, утро ли это, или всё ещё ночь. Воздух был прохладный, пах камнем, влажной тканью и чем-то цветочным, едва уловимым – может быть, лепестками, оставшимися от прежних времён.

Она села на постели. Покои были огромные, с высокими арками и тонкими колоннами. Всё здесь казалось слиш-

ком большим, чтобы принадлежать человеку. На стенах – росписи. Цвета выцвели, но можно было различить очертания: солнце, женщину с чашей, ребёнка, поднимающего руки к небу. И в этой бледности было странное спокойствие, будто сами стены помнили, как когда-то здесь было тепло. Агнес спустила ноги на пол. Камень холодил ступни, но она не вздрогнула. Подошла к окну, отдернула тяжёлую ткань – и за стеклом открылся Арвенн.

Город всё ещё спал. С крыши на крышу стелился дым, река блестела полосой тусклого света, башни поднимались в туман, а где-то внизу – в садах – уже пели птицы. Не много, но пели. И это удивило её.

Когда дверь тихо скрипнула, Агнес вздрогнула. Вошла молодая женщина – бледная, в простом сером платье, с чёрными волосами, заплетёнными в косу. Она опустила голову, держа поднос с водой и хлебом.

– Доброе утро, миледи, – сказала она. Голос был тихий, как шелест бумаги. – Вас просили не выходить пока из покоев. Всё, что нужно, принесут.

Агнес кивнула.

– Как тебя зовут?

– Лисса, миледи.

Она поставила поднос, выпрямилась, но не взглянула прямо. Только один раз – коротко, словно проверяя, действительно ли перед ней человек, а не сон.

– Здесь всегда так тихо? – спросила Агнес.

Лисса замешкалась.

– Тихо... да. Говорят, дворец спит вместе с королём.

Агнес нахмурилась.

– С королём?

Служанка слегка улыбнулась – осторожно, будто боялась, что улыбку кто-то услышит.

– Когда-то он не спал вовсе. Мог стоять у окна ночами. А потом... стал спать, но без снов. Так говорят. И с тех пор дворец будто дышит в такт ему. – Она опустила глаза. – Простите, я говорю лишнее.

– Нет, – мягко сказала Агнес. – Мне нужно знать. Я ведь теперь здесь живу.

Лисса чуть кивнула. Она налила воду в кувшин, тонкие запястья дрожали. На мгновение рука её задержалась – и Агнес заметила: на внутренней стороне ладони тонкий след ожога, как от свечи.

– Лисса, – позвала она тихо. – Скажи... ты видишь сны?

Та вздрогнула. Кувшин чуть не выскользнул из пальцев.

– Сны? – переспросила, словно не расслышала. – Не помню, миледи. Здесь редко кто помнит. Иногда дети – у них ещё остаётся место для света.

Агнес подошла ближе.

– А где живут дети? Я не видела их во дворе.

– Их не водят сюда, – ответила Лисса. – Король не любит крики.

В её голосе промелькнула тень – не страх, а сожаление.

Она поставила кувшин и шагнула назад. – Простите. Мне пора.

– Подожди, – остановила Агнес. – Лисса... ты ведь не из столицы?

– Нет, – женщина покачала головой. – Из предгорья. – она замолчала, будто сказала лишнее. – Простите, миледи. Я должна идти.

Агнес не удержала её. Дверь закрылась бесшумно, и комната снова наполнилась той вязкой тишиной, что не похожа на покой, – скорее, на дыхание под водой. Она подошла к стене. В одном месте роспись была светлее, и сквозь тонкую трещину пробивался луч. Агнес провела пальцем – и поняла, что это было старое окно, замурованное камнем.

Она закрыла глаза. И вдруг ей показалось, что слышит издалека шаги – лёгкие, мягкие, почти неслышные, как у кошки. Шаги женщины. И шёпот – чужой, тёплый и скользкий, будто шелк по коже: *«Она приехала. Король не должен был позволять...»*

Агнес обернулась. Комната была пуста. Только лёгкий запах жасмина остался в воздухе, совсем не арвеннский. Она стояла посреди комнаты, чувствуя, как из-за стены будто кто-то смотрит. И впервые подумала, что, может быть, во дворце действительно кто-то не спит.

После ухода Лиссы тишина стала другой. Не как раньше – вязкой и сонной, а какой-то... нарочитой, будто дворец сам затаил дыхание, наблюдая, что она сделает дальше. Агнес

долго сидела на кровати, перебирая края покрывала, мягкого, но чужого. Потом резко поднялась. Видимо, в Арвенне ожидали, что она будет послушной – но Иллариийская кровь не умела долго сидеть на месте.

«*Не выходите из покоев*», – повторилось в голове чужим голосом. И именно поэтому она пошла к двери. Коридор встретил её прохладой и светом, похожим на рассвет под водой. Пламя в настенных светильниках не колыхалось – будто и оно боялось дышать. Плиты пола отливали серым блеском, и каждый шаг отзывался лёгким эхом. На мгновение Агнес ощутила детское волнение – как будто она сбежала с урока. Ей даже захотелось улыбнуться.

– Миледи, – голос заставил её обернуться.

У двери стояли двое стражников. Те же, что сопровождали её в дороге. Высокие, закрытые, одинаковые. Один из них, кажется старший, шагнул вперёд:

– Вам запрещено покидать покои без разрешения.

– Разве я в темнице? – спросила она с лёгкой усмешкой, но взглядом – остро.

Он чуть замялся, не ожидая вопроса.

– Таков порядок.

– А если я хочу просто пройтись? – она подняла бровь. – Воздух здесь тяжёлый. Даже птицы летают медленнее.

Второй стражник кашлянул, но ничего не сказал.

Первый ответил:

– В покоях есть окна, миледи. Воздух проходит и че-

рез них.

Она сделала шаг ближе, и его рука – почти незаметно – опустилась к эфесу меча. Не угрожающе, скорее, по привычке. Агнес остановилась, выпрямилась и тихо произнесла:

– Тогда принесите мне сад.

Он моргнул.

– Что?

– Если я не могу пойти к воздуху, пусть воздух придёт ко мне. Цветы. Травы. Всё, что растёт. Если уж вы так преданы приказам, передайте это вашему королю. Пусть решает, опасна ли я с веточкой лаванды в руках.

Стражник молчал. Только подбородок его дёрнулся. Она видела – он не привык, чтобы с ним так говорили. Но в этом не было вызова, только уверенность человека, который привык, что слово может быть действием.

Он коротко поклонился. – Я передам, миледи.

Когда он ушёл, Агнес ещё немного стояла в пустом коридоре, слушая, как утихает звук шагов. А потом вдруг рассмеялась – тихо, но от души.

– Сад, – сказала сама себе. – Интересно, что принесут. Камни или горшок с пеплом?

Она вернулась в покои. Открыла окно. Свет теперь стал ярче, а за ним – гул города. Далёкий, но настоящий. Кто-то смеялся. Где-то на площади играла музыка – простая, народная, но живая. Агнес вдохнула глубже. И поняла – мир не так уж неподвижен. Да, вокруг камень, но под ним всё рав-

но бьётся сердце. И если Деймар думает, что сможет остановить весну, он ошибается. Она повернулась к зеркалу. Зеркала не было. Только гладкая поверхность стены, в которой отражался свет.

– Прекрасно, – сказала она. – Значит, я теперь безликая. Придётся вспомнить, кто я, по памяти.

И, засмеявшись снова – чуть нервно, чуть дерзко – опустилась на подоконник.

Под ногами проплывал город, а за спиной спал дворец. Но где-то в глубине этого сна уже шевелилась жизнь. Тёплая, настойчивая. Как девчонка из Илларики, которая решила не подчиняться тишине. День тянулся, как вязкая нить. Часы здесь не звенели – время двигалось по-другому, то ли замедляясь, то ли складываясь само в себя. Солнце почти не заглядывало в окна. Только редкие лучи пробивались сквозь облака и ложились на пол, как следы от воды, оставленные чьими-то шагами. Агнес сидела у окна. Подол её платья рассыпался по полу, и на ткани играли отсветы света. Она ждала – не потому, что надеялась. Скорее, чтобы доказать самой себе: если уж она что-то сказала, мир обязан ответить. Так учили её в Илларики – не отступать, если слова были сказаны с верой.

Она пыталась читать, но книги, оставленные на столе, были странные. Тяжёлые, пахли пылью и железом, и в каждой – больше о приказах, чем о мечтах.

Наверное, их писал сам воздух Арвенна, – подумала она. –

Сухо, без звуков.

Часов через шесть – если здесь можно было считать время – дверь тихо скрипнула. Вошли трое. Двое слуг и тот же стражник, что утром стоял у двери. На руках они несли что-то большое, накрытое серым полотном.

– Миледи, – сказал стражник. Голос был чуть мягче, чем утром. – Передали из садов.

Он кивнул, и слуги поставили у окна три глиняных горшка.

Когда ткань сняли, Агнес затаила дыхание.

В первом горшке – лаванда. Во втором – тимьян. А в третьем – роза. Настоящая, белая, с лёгким розовым отблеском на лепестках. Воздух в комнате сразу изменился – стал теплее, живее. Агнес подошла ближе, коснулась лепестков кончиками пальцев. Они были холодные, но живые.

– Передали из садов, – повторил стражник. – Как вы и просили.

Она подняла глаза.

– Благодарю.

Он кивнул, но не ушёл сразу. Несколько секунд стоял, будто чего-то ждал. Потом сказал:

– Его Величество сам распорядился.

Агнес чуть удивилась, но виду не подала.

– Правда? Как щедро.

Он поклонился и ушёл. Когда дверь закрылась, Агнес осталась одна. Комната теперь пахла Илларией. Она села

на пол перед цветами, убрала волосы за уши и просто смотрела. Свет от окна падал на лепестки, и те будто оживали.

Она вспомнила свой сад. Тот, настоящий – с жасмином, лилиями, колодцем, где вода звенела по утрам. Марта тогда говорила: «Цветы – это способ не забыть, что жизнь умеет быть мягкой».

А здесь всё было другим. Даже роза. Она не пахла. Со всем. Агнес наклонилась ближе. Носом почти коснулась лепестков. Запах был – но слабый, какой-то чужой, будто кто-то смыл с неё аромат и оставил только форму.

– Без запаха, – сказала она вполголоса. – Как сны без сна.

Она откинулась на пятки и рассмеялась тихо.

– Сад без запаха. И всё же мой. Спасибо, ваше величество.

На следующее утро дверь её покоев открылась не тихо – с глухим звуком, будто кто-то слишком долго держал воздух за щекой и наконец выдохнул.

На пороге стояла Лисса, чуть бледнее, чем обычно.

– Миледи, вас ждут в нижней галерее. Сегодня совет при дворе. Король пожелал, чтобы вы присутствовали.

Агнес подняла глаза от книги, которой не читала.

– Сегодня? – в голосе прозвучало лёгкое удивление. – Ранно он вспомнил, что я здесь.

Лисса не ответила. Только тихо добавила:

– Не бойтесь, миледи. Сегодня всё будет спокойно.

Путь до галереи занял несколько минут, но для Агнес это был целый спектакль.

Каждый поворот, каждая лестница – как сцена, где её взгляд ловили невидимые глаза. Она чувствовала, как стены слушают шаги, как портьеры шевелятся от едва уловимых движений воздуха. Дворец был не мёртв – просто слишком внимательный.

Коридоры выводили её всё ниже, пока не открылась длинная галерея, залитая мягким светом. По обе стороны стояли колонны, а между ними – окна, высокие, как в храмах. На подоконниках – старые фрески, и кое-где между трещин пробивалась зелень: тонкие побеги плюща.

Эдгаровы сады всё ещё помнят дорогу сюда, – подумала Агнес.

У стены стояли люди – придворные, советники, старшие стражи. Мужчины в строгих плащах, женщины – в глубоких, неярких тонах, без золота и блеска. Их лица были собраны, спокойны, но не каменные. В каждом – отпечаток привычки молчать и слушать. Когда Агнес вошла, они обернулись. Никто не склонился слишком низко, но и ни в одном взгляде не было враждебности. Скорее – осторожное любопытство. И что-то вроде тепла, которое прячут, как свечу от ветра.

Впереди, у мраморного стола, стоял старик. Белые волосы, мягкий изгиб плеч, руки, пахнущие бумагой и воском. Когда Агнес подошла, он поклонился чуть ниже, чем того требовал этикет.

– Миледи, честь видеть вас при дворе. – голос его был тёплый, как вода. – Я Оррен, управляющий библиотекой Его

Величества. Когда-то я служил при Эдгаре.

На противоположной стороне зала стоял музыкант. Старый, с серебряной прядью в волосах, в руках у него – лютня. Он наигрывал что-то простое, светлое, и в этой мелодии было то, что Агнес узнала сразу: Илларийская песня. Она подняла голову. Музыкант встретил её взгляд и едва заметно улыбнулся. Тонко, с уважением, но без раболепия – так улыбаются люди, которые ещё помнят весну. В груди Агнес стало тепло. И это тепло было почти болью. Придворные говорили тихо, почти шёпотом. Лисса стояла у двери, наблюдая за ней с осторожным одобрением.

Агнес прошла мимо советников, и один из них – пожилой мужчина с лицом, обветренным от горного ветра – отступил в сторону, пропуская её. И когда в дверях появился Деймар, зал на миг стих, но не замер. Музыкант продолжил играть. Оррен выпрямился, и даже Лисса не отвела взгляда. Агнес поняла: да, он ожесточил всё вокруг, но не всех. Некоторые сердца просто спрятались глубже – чтобы дожидаться часа, когда можно будет биться снова. Она стояла рядом с королём. Он не смотрел на неё, но его рука едва заметно касалась подлокотника кресла – почти рядом с её рукой. Так близко, что она почувствовала лёгкое тепло. И вдруг ей показалось, что вся эта страна – как тот сад с яблоней. Пока хоть один плод держится за ветку, зима не сможет победить.

Совет начался с дел привычных: поставки хлеба, налоги, дороги, стража. Слова звучали глухо, точно камни перека-

тывали с места на место. Советники говорили осторожно, будто каждый звук измеряли на весах. Агнес слушала молча. Пальцы её покоились на коленях, взгляд скользил по лицам. Все они – как будто высечены из одного камня. И всё же в некоторых она видела усталость. Не злость, не страх – усталость от того, что говорить перестало что-то менять. Когда очередной советник начал доклад о новых налогах, голос его дрогнул – коротко, почти незаметно.

– ...повышение необходимо для укрепления границ...

Агнес подняла голову.

– Границы – от кого? – спросила спокойно.

Зал замер. Деймар чуть повернул голову, его взгляд коснулся её, как холодное лезвие.

Советник запнулся.

– Миледи... мы...

– Я просто спрашиваю, – мягко произнесла Агнес. – Ведь если врага нет, зачем закрывать ворота?

Пауза. Она чувствовала, как Оррен напрягся. Кто-то кашлянул, кто-то отвёл взгляд.

– Ворота, – произнёс Деймар, – нужны не только от врагов. Иногда – чтобы держать в узде тех, кто забывает, что порядок важнее покоя.

Он говорил тихо, но в этих словах звенело железо.

Агнес чуть улыбнулась.

– Тогда, быть может, стоит укрепить и окна? От тех, кто ищет свет.

Несколько человек невольно взглянули на неё. Даже Оррен – и на его лице мелькнуло что-то похожее на удивление. Деймар не ответил сразу. Только пальцем провёл по краю стола, будто стирая невидимую пыль. Потом сказал:

– Вы еще не являетесь официально моей супругой. То, что я вам позволил сейчас находиться здесь, не означает, что ваше мнение тут будет учитываться.

Агнес нахмутив брови, посмотрела на будущего супруга и тяжело вздохнула ничего не ответив. Совет продолжился. Агнес почти не вмешивалась больше. Но сама её тишина стала другой: не покорной, а внимательной, как у человека, который слушает не для согласия, а чтобы понять, где дышит жизнь. Иногда она все же задавала вопросы – не острые, просто любопытные.

«Почему сожгли старые архивы?»,

«Кто ухаживает за садами во дворце?»

И каждый раз, когда она говорила, воздух будто сдвигался, как вода под рукой.

К концу совета люди уже смотрели на неё иначе. Не как на чужую – как на что-то неожиданное. Как будто в их привычный каменный ритуал кто-то впустил воздух. Агнес шла медленно, считая шаги по плитам. Каждая плита – как вздох. Совет вымотал её, не умом, а самой атмосферой: плотной, сухой, как пыль на солнце. Она чувствовала, как слова, произнесённые за тем каменным столом, всё ещё звенят у неё в груди. Но усталость не была тяжёлой – скорее, как после

долгого купания в море: тело ноет, но внутри лёгкость. Она свернула в боковой проход, чтобы сократить путь к покоям, и почти сразу столкнулась с кем-то – плечом, внезапно, беззвучно.

– Простите, – сказала, не сразу поднимая глаза.

– Это мне следовало смотреть под ноги, – ответил мужской голос, мягкий, чуть насмешливый.

Когда она подняла взгляд, сердце будто сбилось на миг. Перед ней стоял юноша – или уже мужчина – в простом сером камзоле, без знаков отличия. Волосы светлые, не как у Деймара, глаза – зелёно-серые, с тем светом, что бывает в утренней росе. Он не был похож на брата. В нём не было камня. Скорее – свет, прошедший сквозь него и оставивший след.

– Леди Агнес? – спросил он, чуть наклонив голову.

– Полагаю, слухи здесь распространяются быстрее, чем я хожу по коридорам, – ответила она, сдерживая улыбку.

Он усмехнулся.

– Это вы ещё не были в верхней галерее. Там стража знает, кто с кем поздоровался и как держал ложку на ужине.

Агнес позволила себе короткий смешок.

– Утешительно. Значит, у меня будет кто-то, кто напомнит, если я забуду, кто я.

Он чуть склонился, с театральной серьёзностью.

– Эрвин.

– Я знаю. – Она посмотрела прямо. – Ваше имя часто про-

износят шёпотом.

Он приподнял бровь.

– В Арвенне шёпот безопаснее громкого слова.

– Значит, вы человек осторожный?

– Скорее, наученный, – ответил он после паузы. – Осторожность здесь не добродетель, а привычка.

Он сказал это легко, но глаза потемнели. Агнес заметила. И вдруг почувствовала, как в груди сжалось – не жалость, а тихое узнавание. *Он живой*, – подумала она. – *И, наверное, платит за это молчанием.*

Они шли рядом. Ненадолго – просто потому, что путь у них оказался общий.

Он рассказывал о садах, о том, что в детстве сам сажал дерево при Эдгаре, но теперь туда не ходит – «слишком шумно молчит земля». Агнес слушала, не перебивая. Иногда их плечи почти касались. Ей хотелось чуть отступить – и в то же время остаться рядом. Когда они дошли до поворота, Эрвин остановился.

– Вам понравился совет?

Агнес усмехнулась.

– Слово «понравился» кажется слишком смелым для того, что я видела.

– Тогда пусть будет «не наскучил», – сказал он.

– Пусть будет «оставил послевкусие», – ответила она. – Как вино, которое не любишь, но помнишь.

Он засмеялся – тихо, почти шёпотом.

– Вот и правда илларийская кровь. У нас здесь не умеют говорить так, чтобы слова ещё пахли.

Она ответила взглядом – открытым, спокойным.

Он замер. На миг между ними повисло что-то – не неловкость, не напряжение, а просто пауза, где дыхание вдруг стало общим. И в этой паузе она поняла, что впервые за время пребывания в Арвенне ей не холодно. Агнес повернулась к нему так, как когда-то мать – с тем же доверчивым наклоном головы.

У Эрвина сжалось горло: в этот миг защита перестала быть обязанностью.

Она стала чем-то, что нужно было сделать, чтобы хоть одна женщина в его мире не исчезла.

Вечера в Арвенне были странные – не тихие, не шумные. Просто время здесь не знало, как себя вести после заката. Свет в зале был приглушён – факелы горели ровно, не колыхаясь. Вино в бокалах казалось темнее, чем должно, а голова – чуть глуше. Агнес сидела справа от Деймара. Слева – Эрвин, чуть дальше Оррен и седой магистр Сетх, человек с лицом, похожим на мраморный череп. За окном ползла ночь – густая, сине-чёрная, как чернила, в которых тонули звёзды. Первое время все говорили о делах. О поставках, о новых дорогах, о замках на границе. Агнес молчала, слушала, крутила кубок в руках.

Но когда Сетх произнёс:

– Народ должен привыкнуть к порядку, без страха он рас-

пустится, —

она не выдержала.

— А разве страх не распускается ещё быстрее? — сказала спокойно.

Вилка, которой Оррен подносил хлеб, замерла в воздухе.

Сетх приподнял брови.

— Миледи полагает, что порядок возможен без страха?

— В Илларию порядок держится на доверии, — ответила она. — Люди сами приходят служить, когда знают, что их слышат.

— В Илларию мягкий климат, — вмешался Деймар. — Здесь земля суровее. Она требует крепких рук.

Агнес повернулась к нему, глаза её блестели.

— Земля? Возможно. Но люди всё равно не камни. Даже если вы заставите их стоять смирно, они будут помнить, как это — дышать.

Повисла тишина. Слышно было, как в камине шевельнулось пламя. Деймар чуть прищурился.

— Вы уверены, миледи, что воздух не слишком свободен? От него быстро кружится голова.

— А может, это просто то, чего вы давно не чувствовали? — ответила она.

Эрвин едва заметно улыбнулся, глядя в бокал. Сетх опустил взгляд, Оррен напротив тихо вздохнул. И только в уголках губ Деймара мелькнула тень — то ли усмешки, то ли интереса. Дальше говорили уже о другом — об урожае, о море.

Когда Оррен вспомнил Иларийское побережье, Агнес ожи-вилась.

– Там солнце встаёт из воды, – сказала она. – Оно не режет глаз, а просто идёт рядом, как собака. Иногда даже кажется, что если протянуть руку – можно его удержать.

– А здесь оно тонет в горах, – сказал Эрвин, не глядя на брата. – Но, может быть, оно просто ищет выход в другую сторону.

Агнес повернулась к нему.

– Тогда ему стоит поискать советника попроще. Иногда именно они знают, где рассвет.

– Или где укрытие, – ответил Эрвин. – В Арвенне рассвет иногда кусается.

– Тогда стоит рискнуть, – сказала она. – Вкус солнца того стоит.

Он рассмеялся. И этот смех, негромкий, но чистый, будто вырвал из зала долгий застывший воздух. Даже Деймар на миг отвёл взгляд. В его лице мелькнуло не раздражение, а странная тень воспоминания – будто он слышал этот смех когда-то очень давно, в другой жизни. Когда подали десерт – тёмные ягоды в сиропе – Агнес вдруг заметила, что Сетх смотрит на неё с любопытством.

– Миледи, – сказал он, – вы не боитесь быть слишком смелой при дворе?

Она взяла ложку, попробовала ягоду и улыбнулась.

– Если не быть смелой при дворе, где же тогда?

– В жизни, возможно, – ответил он.

– Жизнь и есть двор, магистр, – сказала она. – только без прислуги и зеркал.

Оррен отвёл взгляд, чтобы скрыть улыбку. Эрвин тихо кивнул ей, как будто подтверждая. Деймар же остался недвижим. Только пальцы его, сжимавшие бокал, медленно ослабли.

Когда ужин закончился, гости стали расходиться. Агнес поднялась, медленно, словно не торопясь покинуть этот странный театр. Деймар проводил её взглядом.

– Вы умеете говорить, миледи, – сказал он. – Это может быть и даром, и наказанием.

– Зависит от того, кто слушает, – ответила она.

Он не улыбнулся, но взгляд его стал чуть мягче.

– Берегите слова. Здесь даже стены помнят их дольше, чем люди.

· Он уловил в себе старое ощущение: каждое слово – как шаг по льду, который может треснуть. Так учили его с детства. Так ждали от наследника. Агнес чуть склонила голову.

– Значит, пусть стены учатся терпению. Я не молчу долго.

И, не дожидаясь ответа, вышла из зала. Эрвин догнал её уже в коридоре.

– Это было... – начал он, но она перебила:

– Безрассудно?

– Живо, – сказал он. – здесь давно никто не говорил так. – это всегда ранило его. Слишком напоминало о том, как мать

умела смеяться даже в самые тяжелые дни.

– Значит, пора привыкать, – ответила она. – Я не умею быть тенью.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем стоило бы, и тихо сказал:

– И хорошо, что не умеете.

Когда двери зала закрылись, Деймар ещё долго не двигался. Пальцы его покоились на краю стола – на том самом месте, где недавно стояла рука Агнес. Камень был тёплым. Он поднялся, неторопливо, будто выныривал из глубокой воды, и направился к своим покоям. Коридоры были пусты. Только шаги гулко отзывались в мраморе, и где-то вдалеке хлопала створка – от ветра, с верхних галерей. Покои короля находились в северном крыле дворца, там, где никогда не бывает солнца. Комнаты – просторные, но мрачные. Потолки терялись в тенях, и даже свечи горели иначе – не золотом, а серебром. На стенах – старые гобелены, выцветшие от времени: сцены охот, горы, ветви, увитые змеями. Всё вокруг напоминало не жилище, а память.

Деймар прошёл вглубь, снял перчатки, бросил на стол. На пальцах остался след – тонкая полоса от обода кубка. Он потер её большим пальцем, словно хотел стереть не металл, а сам момент. Пламя в камине трепетало. Он смотрел на него долго, почти с усталостью.

«Вы уверены, миледи, что воздух не слишком свободен?» – вспомнилось вдруг. Слова Агнес. Не наглость, не вызов –

просто голос, который не знает страха. Он откинул голову, закрыл глаза. И в этот миг понял, что давно не слышал, как кто-то говорит не ради страха и не ради выгоды.

– Вы задумались.

Голос прозвучал тихо, будто ветер коснулся пламени. Деймар не вздрогнул. Он знал этот тембр – ровный, чуть тянущийся, как шёлк.

– Ты вошла бесшумно, – сказал он.

– Я никогда не стучу, – ответила Морвена. – Двери сами открываются.

Морвена любила входить так, будто мир обязан уступать ей дорогу. Потому что где-то глубоко внутри нее все еще жила девочка, которой никогда не давали это ощущать.

Она стояла у входа – высокая, в платье цвета ночной воды. Волосы – чёрные, тяжёлые, струились по плечам, глаза – как полированные камни. Кожа бледная, с тем оттенком, который бывает у людей, редко видящих солнце. Она шла легко, ступая почти без звука. Когда подошла ближе, воздух в комнате стал плотнее, будто ночь вошла вместе с ней. Он никогда не позволял себе слабости, но рядом с ней что-то в структуре его самоконтроля трескалось. Когда Морвена впервые увидела Деймара, она узнала в нём себя. В его взгляде жила та же пустота, которую она носила в груди. Та же бездна недосказанностей, та же усталость от попыток быть «правильным». Он был сильным – но эта сила хранила в себе огромную трещину. И Морвена потянулась к ней так же

естественно, как вода ищет слабое место в камне. Его можно было сломать, потому что он уже давно ломался сам. Её тень просто вышла ему навстречу.

– Совет, ужин, разговоры, – произнесла она, остановившись напротив. – Ты утомил себя чужими голосами.

Деймар не ответил. Она улыбнулась – еле заметно, как тень.

– Я видела, как она смотрела на тебя, – добавила тихо.

Он открыл глаза.

– Кто?

– Девушка из Иллари. Агнес. Светлая. Слишком громкая.

– Ты была там?

– Я всегда там, где тебе становится шумно.

Морвена подошла ближе. От неё пахло ладаном и дождём. Она протянула руку, коснулась его плеча.

– Ты позволил ей говорить. Раньше ты заставлял замолкнуть любого, кто осмеливался.

– Она не боится.

– Или не понимает, чего бояться. Это почти одно и то же.

Деймар отвернулся, подошёл к окну. Снаружи шёл дождь – медленно, густо. Капли стекали по стеклу, оставляя следы, похожие на тонкие дорожки света.

– В Иллари дожди тёплые, – сказала Морвена, будто продолжая его мысли. – Здесь они режут кожу.

– Здесь всё режет, – тихо ответил он. – Даже молчание.

Морвена подошла за спину, коснулась его волос.

– Я могу сделать, чтобы не болело.

– Это не боль.

– Тогда что?

Он не ответил. За окном гроыхнуло. Морвена обошла его, остановилась перед ним, подняла взгляд.

– Она – не твоя.

Он усмехнулся, но без радости.

– Никто не мой.

– А всё же смотришь, – сказала она. – В её голосе – то, что ты потерял.

Он молчал.

Морвена вздохнула, будто устала.

– Я пришла не спорить. – Она провела пальцем по его губам. – Просто напомнить: то, что светит слишком ярко, быстрее гаснет.

Он поймал её руку, чуть крепче, чем нужно.

– А если не погаснет?

Она посмотрела на него, глаза блеснули.

– Тогда гореть будем все.

Глава 7

О пути, вырезанном в камне судьбы

«Камень хранит удары, но не забывает, чья рука держала резец»

Тем временем

Кай шагал осторожно, вглядываясь в тропу. Лес был

не похож на те, что он знал раньше. Здесь каждая ветка казалась слишком живой, каждая тень дышала, а запах сырой земли будто вползал в лёгкие глубже обычного. Сначала он подумал, что дело в усталости, в том, что его гнали по следу слишком долго, но чем дальше он углублялся, тем сильнее чувствовал – этот лес не хотел отпускать. Он злился на себя за то, что поверил стражникам, когда они шепнули, что именно здесь водятся «бабочки снов». Сказки. Детские выдумки. И всё же он шёл, потому что слишком хорошо знал цену отказа. Когда он повернул за заросший поворот, кусты впереди зашевелились. Он замер, схватившись за кинжал, но вместо зверя на тропу вышла девушка.

Она двигалась босиком, не торопясь, с охапкой цветов в руках. Волосы – светлые, будто пропитанные солнцем, разлетались при каждом шаге. Она остановилась, заметив его, и вдруг засмеялась звонко, легко, будто он был не чужаком в её лесу, а просто случайным путником.

– Ой, – сказала она, чуть смущённо, но с улыбкой. – вы испугали меня.

Кай моргнул. Он никак не ожидал увидеть здесь кого-то. И уж тем более – такую. Он спрятал кинжал за спиной, нахмурился, пытаясь взять себя в руки.

– Я... заблудился, – произнёс он хрипловато, ненавидя, как неуверенно прозвучал его голос.

Девушка кивнула, будто поверила сразу, и её улыбка стала ещё шире.

– Тогда вам повезло, что лес сам привёл вас ко мне. Я могу показать дорогу.

Она подошла ближе, так легко, будто в её мире не существовало ни опасности, ни недоверия. В её руках звенели стебли полевых колокольчиков, и каждый шаг звучал как мелодия.

– Я Элиана, – представилась она просто, словно называла не имя, а песню. – А вы?

Кай слегка замешкался. Он привык к тому, что имя – вещь дорогая, слишком личная. Оно могло стать слабостью, если его узнает не тот человек. Поэтому он изогнул губы в кривую ухмылку и ответил уклончиво:

– Просто путник. Кай.

Элиана склонила голову набок, будто хотела рассмотреть его глубже, чем позволяли слова. Но потом рассмеялась и пожала плечами:

– Ну что ж, путник, лес редко пускает сюда чужих. Раз вы здесь, значит, он вас выбрал.

Кай фыркнул, но сделал это слишком резко, будто хотел заглушить что-то внутри себя.

– Лес не выбирает. Я сам пришёл.

– А может, и нет, – возразила она мягко и пошла дальше по тропинке, не оборачиваясь, будто знала, что он всё равно последует за ней.

Он смотрел ей в спину, на то, как солнце цеплялось за её волосы, и раздражался. Ему не нравилось это ощущение:

будто девушка говорит не слова, а открывает двери, которые он сам старательно держал закрытыми.

– Сколько вам лет? – неожиданно спросила она, будто это был самый важный вопрос в мире.

Кай усмехнулся краешком губ.

– Достаточно, чтобы знать: незнакомцам такие вопросы не задают.

Элиана снова рассмеялась. Смех у неё был такой чистый, что он ощутил, как раздражение отступает, оставляя после себя пустоту. Кай всё ещё чувствовал на запястьях следы кандалов, когда наследник, сидя в кресле у окна, сказал ему то, что перевернуло ход событий.

Раннее

– Ты вор, Кай. Но не простой вор. Ты видишь то, чего не видят другие. У тебя глаз сокола и руки змеи. Ты можешь украсть даже то, что другие называют «невозможным».

Кай молчал, понимая, что это вступление – к ловушке.

Король склонился вперёд, и свет от свечи коснулся его холодных черт:

– Мне нужны бабочки. Те самые, о которых ходят легенды. Светящиеся, ночные, что приносят людям сны.

Кай прищурился, чтобы скрыть растерянность. Бабочки. Сказки, которые он слышал в детстве. Но мужчина говорил серьёзно, так серьёзно, что от этого слова перестали звучать как выдумка.

– Зачем они тебе? – спросил Кай, хотя сразу пожалел о дерзости.

Он лишь улыбнулся уголками губ, и в этой улыбке не было ни капли тепла.

– Это не твоё дело. Твоё дело – принести их мне. У тебя неделя. Взамен – свобода. И золото, о котором ты мечтал.

Кай сжал зубы. Голос внутри шептал, что это ловушка, что никто не отдаёт золото просто так. Но другой голос был громче: неделя. свобода.

И он согласился.

Сейчас

Элиана шла впереди легко, как будто тропа сама стелилась под её босыми ногами. В руках у неё всё ещё была охапка цветов, и она то и дело подносила один к лицу, вдыхала аромат, а потом смеялась, будто цветок рассказал ей шутку.

– Слушайте, – сказала она вдруг, подняв палец.

Кай напрягся, инстинктивно потянувшись к кинжалу. Но Элиана имела в виду совсем другое. Она закрыла глаза, чуть склонила голову и улыбнулась.

– Слышите? Это дрозды спорят между собой. Один всегда поёт громче, а второй старается его догнать.

Кай поморщился. Для него это был обычный лесной шум. Щebet птиц, шелест ветра – ничего необычного. Но в её голосе было столько уверенности, что он вдруг задумался: может, действительно есть в этом споре какой-то смысл, которого он никогда не замечал?

– Ты странная, – сказал он, не удержавшись.

Элиана рассмеялась.

– А может, странный ты? Ходишь по лесу с таким видом, будто он враг тебе. Лес не кусается.

Кай фыркнул, но внутри его что-то дрогнуло. Он был слишком привык видеть в каждом углу опасность, а в каждом человеке – угрозу. А она шла так, будто мир вокруг – её друг. Они остановились у старого дуба. Кора его была ис-

пещрена узорами, будто кто-то оставил на ней следы чужих рук. Элиана погладила дерево, и оно, казалось, ответило лёгким вздохом ветра. Кай нахмурился. Он не верил в такие вещи, но ощущение странного тепла от этого места было реальным.

Что-то здесь не так. Что-то... особенное.

Но он не знал, что именно.

– Этот дуб, – начала Элиана, всё ещё глядя ладонью шероховатую кору, – помнит больше, чем я. Иногда мне кажется, что он знает даже мои сны.

Она обернулась к нему с улыбкой.

– А вы доверяете лесу?

Кай усмехнулся, качнув головой.

– Я никому не доверяю. Ни лесу, ни людям. Даже себе иногда не стоит.

Элиана нахмурилась, словно впервые услышала что-то настолько нелепое.

– Но ведь без доверия как жить?

– Легко, – резко отозвался он. – доверие делает тебя слабым. Стоит только поверить кому-то, и у тебя вырвут всё из рук.

Она шагнула ближе, всматриваясь в его глаза, и на миг в её взгляде не было ни смеха, ни наивности – только тихая печаль.

– Звучит так, будто вас сильно обидели.

Кай замер. Он хотел отшутиться, сказать что-то колкое,

но слова застряли в горле. Её голос не обвинял и не жалел, он просто констатировал факт, и это резануло сильнее любого упрёка. Он отвернулся, пряча лицо в тени.

– Я человек. Это всё, что нужно знать.

Элиана снова рассмеялась, но теперь мягко, почти по-доброму.

– А я – «странная девочка из леса». Так что мы с вами неплохая компания.

Её слова прозвучали так легко, что Кай неожиданно для самого себя улыбнулся. Улыбка была резкая, кривоватая, но всё же настоящая. Из кустов справа послышался тихий шорох. Кай резко обернулся, рука сама легла на рукоять кинжала.

Но вместо угрозы на тропу вышел лис. Рыжий, с густым хвостом и внимательными глазами, в которых горела умная искра. Он остановился рядом с Элианой, и та, словно ничего необычного не произошло, наклонилась, провела ладонью по его голове.

– Поздновато ты вернулся, Руфин, – сказала она с улыбкой.

Кай приподнял бровь.

– Это... твой питомец?

Руфин, прищурившись, бросил на него долгий взгляд, и если бы Кай мог слышать, то услышал бы низкий ворчливый голос:

– И кто же этот тип, что шастает здесь, будто хозяин?

Элиана рассмеялась, как будто он сказал что-то забавное.

– Не сердись, Руфин. Он просто потерялся.

Кай нахмурился.

– Ты разговариваешь с ним?

– Конечно, – легко ответила она, будто это было самым естественным на свете. – А почему бы и нет?

Он хотел усмехнуться, но что-то в её тоне остановило его. В её словах не было позы, не было игры. Она действительно верила, что лис её понимает. И, странным образом, это выглядело... правдой.

Руфин прищурил глаза и тихо фыркнул, отводя взгляд от Кая. В его мыслях звучало ворчание, тяжёлое, словно скрежет камня:

– Я не доверяю ему. Слишком дерзкий взгляд. Слишком лёгкая ложь в голосе. Он ищет что-то, девочка, и не признается тебе.

Элиана, будто услышала, прижала ладонь к его тёплой шерсти.

– Перестань, Руфин, – сказала она мягко, словно успокаивая капризного друга. – Он не похож на плохого человека. Просто... потерялся.

Лис обиженно тряхнул хвостом, но остался рядом. Его глаза не отрывались от Кая, настороженные, внимательные, будто он пытался заглянуть за маску, увидеть то, что скрывалось глубже.

Кай же, ничего не слыша, смотрел на девушку с лёгкой

насмешкой.

– Он всегда так смотрит? – спросил он, кивая на лису.

– Он просто осторожный, – улыбнулась Элиана. – Он всегда защищает меня.

Она сказала это с такой уверенностью, что у Кая внутри что-то дрогнуло. Слово «защищает» прозвучало чуждо и странно. В его жизни никто никогда не стоял на страже рядом с ним. И именно в этот момент он поймал себя на мысли, что завидует лису. Они пошли дальше, тропинка вилась между высокими деревьями, а свет пробивался сквозь листву золотыми пятнами, падая на их лица. Элиана шагала впереди, босые ноги оставляли едва заметные следы на влажной земле, но казалось, что она не касается её по-настоящему – словно лес сам подхватывал её, не давая утонуть в грязи.

Кай шёл чуть позади, держась настороженно. Он привык к улицам, где каждый поворот может таить опасность, к рынкам, где толпа давит, к грязным закоулкам, где всегда пахнет кровью или порохом. Но этот лес был другим. Он не угрожал напрямую, он давил иначе: тихим величием, бесконечной глубиной. Казалось, здесь у каждого камня есть имя, а у каждого дерева – история, слишком древняя, чтобы её понять.

– Ты так смотришь, будто мир вам враг, – сказала Элиана вдруг, обернувшись через плечо. Её волосы рассыпались по плечам, зацепились за солнечный луч и вспыхнули золотом. – Лес этого не любит.

Кай усмехнулся, но сухо:

– А я не люблю, когда меня учат, как смотреть.

Она прищурилась, но улыбка не исчезла.

– Тогда, может, стоит попробовать? Смотреть иначе.

Руфин шёл сбоку, его рыжий хвост скользил по траве. Он не отводил глаз от Кая, настороженный и молчаливый. Только иногда издавал тихое фырканье, больше похожее на вздох. Элиана присела на корточки у края тропы, подняла маленький цветок с тонкими лепестками, похожими на стекло. Она поднесла его к лицу, вдохнула аромат и протянула Каю:

– Понюхай.

Кай нахмурился.

– Это трава.

– Нет, – возразила она. – Это дыхание леса.

Он хотел посмеяться над её словами, но, не зная зачем, всё же взял цветок. Аромат был слабым, но необычным – в нём было что-то чистое, лёгкое, будто воздух стал мягче. Кай отвёл взгляд, чтобы она не заметила, что он задержал дыхание дольше обычного.

– Всё это пустые выдумки, – сказал он, возвращая цветок.

– Возможно, – ответила она спокойно, – но ведь и выдумки иногда становятся правдой.

Он хотел что-то ответить, но слова застряли. Было чувство, что она разговаривает не с ним, а с самим лесом – и лес отвечает ей, а он, чужак, слышит только половину. Руфин метнул в его сторону ещё один долгий, испытующий взгляд.

И в этом взгляде Кай впервые ощутил что-то вроде вызова: *«Ты можешь идти рядом, но помни – она под моей защитой»*.

Кай сжал кулаки в карманах, чувствуя, как железо кинжала упирается в ладонь. Ему не нравилось это ощущение. Он привык, что все вокруг либо враги, либо жертвы. А эта странная девчонка и её рыжий страж не были ни тем, ни другим. И это сбивало его с толку сильнее всего.

– Ладно, девочка, спасибо за дорогу, – сказал Кай сухо, когда тропинка вывела их на небольшую поляну. – Дальше я сам.

Он собирался свернуть в сторону, но Элиана тут же шагнула ближе, так легко, будто это было самое естественное движение.

– Но ведь лес огромный. Ты снова можешь потеряться.

Кай усмехнулся уголком губ.

– Я в этом хорош. Потеряться и снова найтись – моё ремесло.

Она засмеялась, но в её смехе слышалась не только лёгкость, но и что-то цепляющееся, почти детское.

– Ну, хотя бы расскажи, откуда ты пришел. Я редко встречаю людей. Только в деревне... а там все заняты делами. Никто толком не разговаривает.

Кай нахмурился.

– Так вот в чём дело, – сказал он. – Тебе просто скучно.

Элиана покачала головой, и её волосы заскользили по пле-

чам, блеснув в луче солнца.

– Не скучно. Просто... иногда кажется, что я живу в мире, где всё уже решено за меня. А ты – чужой. С вами всё по-другому.

Он остановился, встретившись с ней взглядом. В её глазах не было ни хитрости, ни расчёта. Только честное, почти жадное желание общения, настоящая жажда слышать другого человека.

– Ты слишком доверчива, – сказал он наконец. – Это плохо кончится.

– А может, наоборот, – улыбнулась она. – Может, именно так и начинается что-то хорошее.

Руфин фыркнул и отвернулся, но Элиана сделала ещё один шаг вперёд, будто боялась, что Кай растворится в воздухе, если она перестанет говорить.

– Если уйдёшь прямо сейчас, я обижусь, – сказала она наполовину серьёзно, наполовину в шутку.

Кай хотел отмахнуться, но губы сами дрогнули, будто улыбка пыталась пробиться сквозь маску.

– Ты упрямая.

– А ты, похоже, тоже, – ответила она, довольная, что он не отвернулся сразу.

Кай пожал плечами и остановился, хотя все нутро тянуло уйти. Он не любил задерживаться с людьми дольше, чем нужно. Чем меньше связей, тем меньше слабостей. Но в этот раз... почему бы и нет? *Разве плохо провести время с кра-*

сивой девушкой, если она сама этого хочет? – ухмыльнулся он про себя. Всё равно его задание не сгорит за один лишний час.

– Ладно, – сказал он вслух, стараясь, чтобы голос звучал небрежно. – Можешь считать, что я делаю тебе одолжение.

Элиана засмеялась, звонко и искренне. Её глаза вспыхнули, как небо, когда в нём прорывается первое утреннее солнце.

– Одолжение? Тогда спасибо!

Она приняла его слова всерьёз – и это его чуть смутило. Для неё всё это было не игрой, не привычкой к пустым разговорам. Она действительно радовалась, что рядом есть тот, кто отвечает ей голосом.

– Я так редко с кем-то разговариваю, – призналась она, покусывая губу, будто боялась показаться навязчивой. – В деревне все смотрят косо, а дети быстро убегают обратно к родителям. Они думают... что я странная.

Кай усмехнулся.

– Ну, странная ты точно.

– Зато честная, – ответила она, будто это было её главным достоинством.

Он снова хотел огрызнуться, но сдержался. Было в ней что-то такое, что делало её «странность» не слабостью, а силой. И это его одновременно раздражало и... притягивало. Они шли всё глубже, и лес постепенно раскрывался, как книга, страницы которой Элиана умела читать лучше всех. Она

показывала ему каждую мелочь, как будто знакомила гостя со своими друзьями.

– Вот здесь живут светличные жуки, – сказала она, наклоняясь к трухлявому пню. – Днём они прячутся, но ночью можно увидеть, как они спорят, кто ярче светится.

Кай скептически приподнял бровь.

– Спорят? Ты их слушаешь по ночам, да?

Элиана улыбнулась, совсем не обидевшись на поддёвку.

– Иногда. Они очень смешные. Один мигает, мигает, пока не устанет, а другой смеётся над ним, пока сам не погаснет.

Кай хмыкнул.

– Жуки, которые смеются. Ещё скажи, что деревья разговаривают.

Она тут же серьёзно кивнула:

– Разговаривают. Но не со всеми.

Он усмехнулся, мотнув головой.

– Конечно. А со мной они, наверное, молчат.

– Потому что ты не слушаешь, – ответила она с озорным блеском в глазах. – Лес любит, когда его слушают.

Кай хотел снова отмахнуться, но её тон, лёгкий и уверенный, был заразителен. И он поймал себя на том, что чуть замедлил шаг, прислушиваясь к шелесту листвы, к стуку дятла, к далёкому журчанию ручья. Всё это он слышал и раньше, но никогда не думал о том, что в этих звуках может быть что-то большее, чем просто фон.

– Ты правда во всё это веришь? – спросил он после паузы.

Элиана посмотрела на него так, будто он задал глупейший вопрос.

– А разве можно жить, не веря?

Кай фыркнул, пряча улыбку.

– Можно. И даже удобнее. Никаких иллюзий – никаких разочарований.

Она подхватила палочку с земли и начертила на сырой земле кружок.

– Но и никакого чуда, – сказала тихо.

Он посмотрел на неё и вдруг почувствовал странное – будто она вовсе не ребёнок, наивно влюблённый в сказки, а кто-то гораздо мудрее, чем он сам.

– Ты, наверное, всё время болтаешь, да? – бросил он с напускным раздражением, лишь бы разогнать эту мысль.

Элиана засмеялась, звонко, как колокольчики.

– Да. А вы, наверное, всё время ворчите.

Он неожиданно усмехнулся. Их обмен репликами вдруг показался ему забавным, почти лёгким, хотя сердце внутри продолжало напоминать, зачем он здесь.

Я не для болтовни сюда пришёл. У меня задание. Свобода.

Но на какую-то минуту он позволил себе забыть об этом.

Руфин внезапно остановился, застыв на месте, и его уши настороженно прижались. Лес вокруг будто на мгновение выдохнул – птицы умолкли, ветер стих, даже листья перестали шелестеть. Элиана обернулась и сразу заметила перемену.

– Что случилось? – спросила она шёпотом, будто боялась

спугнуть тишину.

Лис медленно прошёлся по тропинке, понюхал землю, и его глаза сузились. Он посмотрел на Кая с подозрением, словно именно он был причиной того, что лес затих.

– Что он там вынюхивает? – хмуро спросил Кай, стараясь скрыть, что сам ощутил неприятное напряжение в груди.

– Руфин всегда всё чувствует раньше меня, – сказала Элиана, но голос её звучал мягче обычного, без прежней лёгкости.

Лис тихо зарычал. Его мысли, доступные только Элиане, были короткими и тревожными:

– Ветер несёт чужой след.

Элиана положила руку ему на голову, успокаивая.

– Всё хорошо, Руфин. Он со мной.

Лис недовольно фыркнул, но больше ничего не сказал. Кай следил за ними, нахмурившись. Внутри у него кольнуло беспокойство, но он тут же загнал его глубже.

– Твой лис смотрит так, будто хочет перегрызть мне горло, – бросил он в полушутку.

Элиана улыбнулась, но улыбка вышла не такой звонкой, как раньше.

– Просто он бережёт меня.

Кай сжал губы. Эти слова застряли в его голове, и шаг вдруг стал тяжелее. Они уже вышли на узкий отрезок тропы, когда вдруг Кай резко выругался сквозь зубы и споткнулся о корень, торчащий прямо из земли. Он едва удержался

ся на ногах, махнув руками, и всё-таки потерял равновесие, упав на колени в сырую траву. Элиана от неожиданности прыснула смехом и прикрыла рот ладонью.

– Прости, – проговорила она сквозь смех. – Я не должна смеяться... но это выглядело очень забавно.

Кай зло дёрнул плечом, поднимаясь.

– Чёртов лес! – рывкнул он, отряхивая грязь с колена. – Он будто специально подсовывает мне ловушки.

Элиана, всё ещё смеясь, покачала головой.

– Может, это он тебя испытывает. Лес любит проверять чужаков.

Кай прищурился, мрачно глядя на корень. *Испытывает, да?* – пронеслось у него в голове.

Руфин фыркнул и тихо сказал Элиане:

– Лес не спотыкает без причины. Он хотел, чтобы этот мальчишка почувствовал землю.

Элиана кивнула, а вслух добавила мягко:

– Может, он хотел, чтобы ты научился смотреть под ноги, а не только вперёд.

Кай фыркнул, но уголок его губ всё же дрогнул в сдержанной усмешке.

– Забавно. Лес умнее, чем некоторые люди.

Элиана рассмеялась снова, звонко и беззаботно, а в её смехе исчезла прежняя тревога. Но лес, казалось, не спешил отпускать напряжение. Элиана краем глаза наблюдала за ним, пока он отряхивал с колен траву после падения.

В свете, пробивающемся сквозь листву, его лицо выглядело усталым и грубым, словно он привык жить в постоянной схватке с миром. Волосы – тёмные, спутанные, влажные от пота – падали на лоб, и он то и дело встряхивал их, будто раздражённый. На скулах играли тени, а губы то складывались в кривую усмешку, то сжимались в упрямую линию. Глаза – тёмные, живые, с тем огнём, который не спрячешь даже под маской безразличия. В этом взгляде было что-то острое, как лезвие ножа, и всё же в редкие мгновения, когда он отворачивался, в нём проскальзывала усталость, почти боль. Элиана не могла объяснить, почему это задело её. Он был чужаком, грубым, дерзким, явно скрывающим что-то. Но именно это делало его ещё интереснее.

«Он похож на человека, который давно забыл, как смеяться по-настоящему», – подумала она, глядя на то, как он идёт рядом, чуть напряжённо, будто даже тропинка под ногами может обмануть. Она улыбнулась сама себе. Элиана поймала на себе его взгляд – короткий, почти оценивающий, но от этого сердце у неё забилось быстрее. Она не привыкла к тому, что кто-то смотрит так пристально. И вдруг слова сами посыпались с её губ, как птицы, вылетевшие из гнезда.

– А ты давно в наших краях? Я просто... я редко вижу чужих здесь. Обычно только крестьяне, да и те не заходят так глубоко. А ещё у нас есть ярмарка в Ферлиссе, там все смеются, поют, пекут хлеб прямо на улице, такой вкусный, что запах разносится по всей площади... – она замолчала лишь

на секунду, чтобы перевести дыхание, и снова продолжила: – Хотя, наверное, тебе это не интересно. Или интересно?

Она запуталась в собственных словах, но не остановилась, чувствуя, как щеки слегка заливают румянец. Пшеничные волосы, тронутые солнцем, рассыпались по плечам, и она в спешке убрала прядь за ухо, только чтобы тут же потерять другую. Тонкая ткань её светлого платья запуталась за ветку, и она поспешно освободила её, чуть рассмеявшись от неловкости.

– Простите, я иногда слишком много болтаю, – сказала она, кусая губу и опуская глаза, но через миг снова подняла их, голубые, ясные, в которых светился настоящий интерес. Кай ухмыльнулся краем губ, и это её смутило ещё сильнее. Чтобы скрыть волнение, она шагнула вперёд и добавила: – Но вы ведь всё равно слушаете, правда?

Кай слушал её поток слов и едва заметно усмехался. Она говорила быстро, сбиваясь, перескакивая с одной мысли на другую, как ребёнок, который впервые встретил того, кто готов его выслушать. Он поймал себя на мысли, что смотрит не на то, *что* она говорит, а *как*. Голубые глаза сияли так искренне, будто она действительно ждала его ответа на каждое нелепое замечание. Щеки розовели от смущения, губы дрожали в спешке – и всё это делало её до смешного настоящей. *Красивая*, отметил он про себя. Волосы, светлые, как пшеница на солнце, кожа нежная, будто не знавшая тяжёлого труда. Но в её наивности было столько детского, что он

не мог воспринимать её как женщину.

Для него, привыкшего к чужим взглядам – голодным, хитрым, влюблённым, – её открытость казалась игрой. Он не верил, что человек может быть настолько простым и честным.

– Ты, похоже, любишь говорить, – сказал он, ухмыльнувшись. – Но это даже удобно. Я могу молчать, а ты сама за двоих разговариваешь.

Элиана вспыхнула, но засмеялась, и Кай отметил, как легко её смех срывается – будто она всё время ищет повод радоваться.

Смешная. Как ребёнок, которому дали игрушку.

Он снова улыбнулся, уже чуть мягче, но больше для себя. Для него всё это было развлечением – приятная пауза на пути, ничего больше.

– Ладно, – сказал Кай после короткой паузы, обрывая её болтовню так резко, что слова ещё секунду звенели в воздухе. – Спасибо за дорогу. Дальше я сам.

Он откинул с лица прядь волос, глянул на неё – коротко, без лишней мягкости, и сделал шаг в сторону от тропы. Улыбка на лице Элианы дрогнула. Она хотела сказать что-то ещё, зацепиться хоть за маленький разговор, но вдруг поняла: ему неинтересно. Для него это всё – случайная встреча, ничего больше.

Она сглотнула и, пытаясь сохранить бодрость в голосе, кивнула:

– Конечно. Если хотите идти один... лес покажет дорогу.

Но слова прозвучали чуть тише, чем обычно. Она прижала к груди охапку цветов, словно ища в них опору, и опустила взгляд. Волосы соскользнули с плеча, пряча её лицо. Руфин, сидевший сбоку, фыркнул недовольно, но не вмешался. Кай уже шагнул дальше, и лишь краем глаза заметил, как она стоит на тропе – светлая, тихая, с этой странной уязвимостью, которую он не хотел признавать. Внутри мелькнула искра – не сожаление, но что-то близкое.

Не моя забота, напомнил он себе. *Она хочет болтать, я хочу свободы.*

Элиана всё же подняла голову и постаралась улыбнуться. – Ну... может, ещё увидимся, – сказала она, и в голосе её было чуть больше надежды, чем позволял смысл слов.

Он не ответил, просто махнул рукой и ушёл вперёд, растворяясь в тени деревьев. Лес снова стал тихим, но на этот раз эта тишина более коснулась сердца Элианы, чем когда бы то ни было. Элиана стояла, пока его фигура не исчезла за деревьями. Она выдохнула, но дыхание оказалось слишком коротким, будто не хватило воздуха. Руфин тихо подошёл к ней, ткнулся мордой в ладонь, и только тогда она позволила себе прошептать:

– Он ведь вернётся... правда?

Лес не ответил словами. Вместо этого из ветвей сорвался порыв ветра, сильнее обычного, и пронёсся по тропе, куда ушёл Кай. Листья закружились в воздухе, словно показывая дорогу, по которой он теперь шёл. Элиана прижала

цветы к груди, и сердце её забило быстрее – от непонятного предчувствия. Где-то глубже, за теми деревьями, куда скрылся чужак, вспыхнул мягкий свет. Ей почудилось, что это свет её же бабочек, но они не могли появляться днём. Руфин настороженно поднял уши. Его голос, слышимый только ей, прозвучал низко:

– Лес не пускает людей просто так. Этот – не случайный.

Элиана вздрогнула и посмотрела туда, где только что исчез Кай.

Глава 8

О ночи, где тьма ищет себе имя

«Пока тьма безымянна – она терпелива. Но стоит назвать её – и она явится»

Тем временем в густом тумане погибшего леса

Там, где свет не задерживался даже днём, начинался их лес. Казалось, что сама земля помнила древние шаги и не желала пускать к себе посторонних. Деревья стояли так тесно, что их стволы сливались в одну мрачную стену, корни переплетались, будто сплетали узор, понятный лишь им одним. Листья почти не пропускали света, и в вечном сумраке туман стелился по земле, клубился, цепляясь за ветви, как призрак, забывший дорогу домой. Воздух был густой, влажный, в нём висел запах прелых трав, старых костров и чего-то медного, чуть горького – как память о давних войнах. В этом месте даже время двигалось иначе: звуки приглушались, шаги ста-

новились осторожнее, дыхание медленнее.

На небольшой поляне, где земля казалась мягче и темнее, чем в других местах, можно было заметить два силуэта. Они сидели так, словно были частью этого леса, словно он рос из них, а они – из него. Один – высокий, недвижимый, как скала, второй – чуть согнувшийся, будто несущий в себе ураган, который никогда не утихает.

Талис сидел неподвижно, опершись локтями на колени, и пальцами привычно перебирал сухие ветви, будто плёл из них незримую паутину. Его движения были спокойны и точны, каждое – медленное, размеренное. Лицо оставалось непроницаемым, тёмные глаза смотрели вдаль, туда, где туман сгущался в живые узоры. Он редко говорил, но в его тишине было больше смысла, чем в десятках слов.

Рядом, на земле, раскинув плащ, сидела Морвена. Её тонкие плечи были чуть напряжены, движения нервные, будто в каждом жесте скрывалась невысказанная злость или тоска. Её длинные волосы тёмным водопадом спадали на лицо, и она то прятала за пряди глаза, то резким движением убирала их назад, как будто сама не знала, хочет ли открыться или спрятаться.

Она смотрела на Талиса так, будто пыталась разглядеть за этой каменной неподвижностью что-то живое, то, что видела только она. Её губы шевелились, но слова застревали, и от этого её пальцы барабанили по земле, словно отбивая ритм какой-то внутренней, неутихающей бури.

И всё же рядом с ним она не выглядела разрушительной – скорее, потерянной, как ребёнок, который слишком давно ищет дом.

– Ты опять плетёшь, – голос Морвены прозвучал глухо, будто её собственные слова тонули в тумане. Она подогнула ноги и обняла колени, склонив голову набок. – У тебя всегда одно и то же. Ветки, корни... Ты собираешь их, словно это может удержать мир.

Талис не поднял глаз. Его пальцы продолжали переплетать сухие прутья, будто он слышал в них то, чего она никогда не слышала.

– Они помогают молчать, – тихо сказал он, и в его голосе было спокойствие, как в глубине подземной реки. – Когда руки заняты, мысли не кричат так громко.

Морвена усмехнулась, но усмешка быстро погасла. Она потёрла виски, словно пытаясь унять гул в голове.

– А у меня всё наоборот, – прошептала она. – Чем тише вокруг, тем громче внутри. Будто кто-то всё время зовёт меня, шепчет, требует...

Талис на секунду оторвался от своей плетёной паутины и посмотрел на неё. Его взгляд был ровный, спокойный, но в нём скользнула едва заметная мягкость.

– Ты боишься тишины, Морвена. А я живу в ней. Потому мы и сидим рядом.

И впервые за весь вечер её пальцы остановились, а дыхание стало ровнее, будто только его слова могли заглушить

её бурю. Она сидела рядом с ним, и лес, казалось, впервые не раздражал её. Обычно Морвену туман злил – он тянулся к её ногам, лип к плащу, будто хотел обвить её и сдержать. Обычно деревья казались ей насмешниками, их скрипящие ветви – смехом над её беспокойством. Но сейчас всё было иначе.

Потому что рядом был он.

Талис не говорил ничего лишнего, не задавал вопросов и не требовал ответов. Его присутствие само по себе делало воздух ровнее, а мысли – менее острыми. Морвена ненавидела собственную неуёмную бурю, ненавидела, что в её груди всегда клубилось раздражение и тоска, которые никуда не уходили. Но рядом с ним всё это будто пряталось на время, как волна, что откатывается от берега, чтобы собраться позже. Она не любила признавать это даже себе, но именно эти редкие минуты тишины были тем, что удерживало её от полного безумия. Когда он сидел рядом и молчал, ей не хотелось кричать. И потому сейчас она вела себя тише. Её руки не рвали землю, голос не ломал тишину, взгляд не метался в поисках врагов. Она просто сидела и слушала, как его пальцы перелистывают сухие ветви, и эта простая, тихая музыка удерживала её лучше всяких цепей.

Почему я всё ещё здесь? – думала она, глядя на его руки, ловко переплетающие ветви. *Могла бы уйти, раствориться в тумане, искать новые трещины в чужих снах, питать Тьму. Это то, что я должна делать, ради чего создана.*

Но... почему каждый раз возвращаюсь сюда?

Она украдкой взглянула на его лицо. Неподвижное, как вырезанное из камня. В нём не было страсти, не было огня, которым жила она. Но в этом молчании было что-то другое, то, что останавливало её бурю.

Он – тишина, которой мне не хватает. Я – буря, без которой он бы исчез.

Иногда ей казалось, что Талис держит её здесь не потому, что хочет, а потому что знает: если отпустит – она сгорит. И она ненавидела это ощущение слабости, ненавидела, что нуждается в ком-то. Но каждый раз, когда пыталась уйти, возвращалась снова. Морвена не умела молиться, но именно рядом с ним её сердце хоть ненадолго переставало рвать её изнутри.

– Знаешь, – её голос был неожиданно тихим, почти шёпотом, будто она боялась, что лес услышит лишнее, – иногда я думаю, что я не создана для этой роли. Что Тьма выбрала меня по ошибке.

Талис не сразу ответил. Его пальцы продолжали переплетать ветви, но чуть медленнее, словно он вслушивался в её слова. Морвена сжала колени сильнее, уткнулась лбом в свои руки.

– Я не умею быть такой, как ты. Спокойной. Терпеливой. Всё во мне горит, и я всё время хочу разорвать этот мир на части. А потом... – она вздохнула, и её плечи дрогнули. – Потом остаётся только пустота. – она подняла голову и по-

смотрела в его тёмные глаза. – Но рядом с тобой я хотя бы дышу.

Тишина, что повисла после этих слов, не была неловкой. Она была густой, тяжёлой, как туман, и в ней было больше смысла, чем в любых признаниях. Талис медленно отложил ветви, посмотрел на неё и произнёс:

– Может, потому что буря и тишина нужны друг другу.

Морвена усмехнулась, но её глаза блеснули иначе – в них было то, чего почти никто никогда не видел: слабость и благодарность. Девушка молчала, но в голове одна за другой всплывали картины прошлого. Она помнила, как впервые увидела его – тогда она ещё не знала, кто он такой, и мир вокруг был другим.

Это было в ту ночь, когда её сердце только начинало трескаться, выпуская первых тёмных бабочек. Мир дрожал от их криков, лес не принимал её. Она блуждала среди чёрных корней, не зная, где найти пристанище, пока не наткнулась на него.

Талис стоял тогда посреди поляны, окружённый собственными созданиями – бабочками тьмы, которые кружили вокруг него, но не жгли его, а слушались. Его спокойствие поразило её. Когда её собственные кошмары рвали воздух, он просто поднял руку – и его бабочки разогнали её тьму.

Она закричала тогда, обвиняя его в том, что он мешает, что он сдерживает силу. А он лишь сказал:

– *«Ты слишком молода, чтобы понимать, что тьма*

не всегда должна быть бурей».

Она ненавидела его за эти слова. Ненавидела... и всё же вернулась. Снова и снова. С тех пор прошло много лет. Иногда она убегала от него, растворялась в ночных кошмарах людей, питалась их страхами, ломала их сны. Но всегда возвращалась – в тот самый туман, на ту самую поляну, где он сидел, будто не двигался с места. И каждый раз, когда он встречал её взгляд, в нём не было осуждения. Лишь тишина, которая сводила её с ума и спасала одновременно.

– Ты всё ещё помнишь ту ночь? – спросил Талис вдруг, не глядя на неё, продолжая вертеть в пальцах ветви. Его голос был низким, ровным, как далёкий гул в горах.

Морвена скривилась.

– Как я могу забыть? Ты тогда решил, что знаешь обо мне больше, чем я сама.

– Я видел, как ты горишь, – тихо ответил он. – И понял, что если не научить тебя сдерживать этот огонь, ты сгоришь вместе с ним.

Морвена резко поднялась, обошла вокруг поляны и снова присела рядом, не выдержав расстояния.

– Ты всё время говоришь про «сдерживать». А если я не хочу? А если я создана быть бурей?

Он посмотрел на неё спокойно, как всегда.

– Буря не длится вечно. Даже ей нужно море, которое примет её волны.

Эти слова, простые, как камень, но тяжёлые, как целый

мир, застряли у неё в груди. Она знала – именно так он учил её все эти годы. Не силой, не запретами, а этим своим молчанием и тихими словами, которые звучали громче крика. Морвена отвернулась, глядя в туман.

– Может быть. Но иногда я думаю, что без тебя я бы уже давно стала тьмой целиком.

Талис чуть сдвинул ветви, и в его глазах мелькнуло то, что он почти никогда не показывал – тепло.

– А я думаю, что без тебя я бы растворился в тишине.

Морвена лежала на сырой земле, глядя в темноту ветвей.

– Почему она одна? – вдруг сорвалось с её губ. – Эта девочка, светлая. Почему ей дано быть единственной, а нас двое здесь, в этом лесу?

Талис не удивился вопросу. Он редко удивлялся вообще чему-либо.

– Потому что свет живёт сам по себе, – сказал он, глядя на туман. – Ему не нужны свидетели, чтобы гореть.

– А тьма? – её голос стал острее, как нож.

Он чуть заметно усмехнулся.

– Тьма всегда ищет опору. Буря гибнет без берега. Шум тонет без тишины. Мы – не исключение.

Морвена сжала пальцы, вонзая ногти в ладонь.

– Ты думаешь, я не справилась бы одна?

– Я думаю, – его голос был спокоен, но твёрд, – что ты бы уже давно сгорела сама в своём пламени.

Она отвернулась, раздражённо фыркнула, но слова его

прилипли к ней, как туман к одежде. И где-то глубоко внутри она знала: он прав. Только рядом с ним её крики становились тише, только рядом с ним она могла выдержать себя. В её памяти вспыхнуло одно далекое утро – холодное, серое, когда туман был таким густым, что казалось, весь мир утонул в нём. Тогда её ярость вырвалась наружу впервые по-настоящему. Она выпускала бабочек одну за другой, и каждая рождалась с воплем, с криком, который разрывал воздух. Деревья чернели от их касаний, звери бежали прочь. Морвена кричала вместе с ними, и в какой-то момент тьма начала пожирать её саму. Талис тогда стоял в стороне, но когда понял, что она теряет себя, подошёл ближе. Его собственные кошмарные бабочки собрались в плотную стаю и окружили её, отрезая от остального леса. Морвена взвилась, как огонь, и бросилась на него – в её глазах тогда было только безумие.

Он не ударил её. Не оттолкнул. Он просто обнял её, прижав к себе, даже когда её бабочки впивались в его кожу, оставляя на руках следы. Она билась, рвала, кусала, но он держал, пока её крик не сорвался в хрип.

Когда она рухнула в его объятиях, едва дыша, он сказал всего одно:

– «Если ты будешь одна – ты исчезнешь. Если мы будем вдвоём – у нас есть шанс».

И с того дня она никогда не уходила далеко. Морвена снова прижала колени к груди, зарылась лицом в плащ и долго молчала. Её дыхание было неровным, и только шорох ветвей

напоминал, что время всё ещё движется.

Светлые живут одни, – подумала она, и от этой мысли в груди стало тесно. Эти девчонки рождаются – и сразу связаны с лесом. Им не нужны ни учителя, ни хранители. Они сами – источник. А я?..

Она украдкой посмотрела на Талиса. Он всё так же сидел рядом, собирал свою бесконечную паутину из ветвей, словно время не имело над ним власти. Его спокойствие было как приговор.

Без него я – ничто.

Мысль кольнула острее любого ножа. Она ненавидела её, ненавидела свою слабость, ненавидела то, что не могла уйти. Но ещё больше ненавидела то, что знала: не уйдёт никогда. На губах появилась кривая усмешка – горькая, больше похожая на гримасу.

– Забавно, – проворкотала она себе под нос, – даже тьма не может жить без костыля.

Талис не ответил. Может, он не расслышал. А может, просто не захотел разрушать её редкую честность. Морвена закрыла глаза и впервые за долгое время почувствовала, как жалко себя ей самой. Расправила плечи, словно прогоняя липкую жалость. Она ненавидела это чувство – оно делало её слабее любого врага. Но чем сильнее ненавидела, тем отчётливее понимала: именно оно и держит её на привязи к Талису.

Она – одна. И при этом сильнее, чем я.

Картина Элианы, окружённой светлыми бабочками, снова вспыхнула в памяти. Девчонка была юной, смешливой, наивной – и всё же её дар был таким, какого Морвена никогда не знала. Она могла быть одна и не исчезнуть. Она была самодостаточной. Свободной. А Морвена... Морвена жила лишь потому, что рядом был Талис. Эта мысль точила её, как капля точит камень. Она пыталась не думать, пыталась заглушать её в криках своих бабочек-кошмаров, но картина светлой Создательницы возвращалась снова и снова. Морвена должна была быть той, кто приносит боль, чтобы сохранить равновесие. Но она хотела невозможного – чтобы ее за это любили. Мир никогда так не работает, и она ненавидела его за это.

– Почему ей дано больше, чем мне? – прошептала Морвена так тихо, что сама едва услышала собственные слова. – Почему её боль – красота, а моя – уродство?

Талис не ответил, и она знала, что не ответит. Его молчание только сильнее подчёркивало разницу между ними. И в этом молчании зарождалась её решимость. Если она не может быть как Элиана, если не может жить одна – значит, Элиана не имеет права на это тоже. Морвена поднялась с земли, резким движением стряхнув с плаща туман, будто стряхивала с себя слабость. Её глаза блестели, в них больше не было жалости – только решимость, едкая и жгучая.

Если я не могу быть как она, то она не будет такой тоже.

В груди зашевелилась тьма, отозвавшись на её клятву. Бабочки-кошмары, чёрные и острые, поднялись из-под земли, закружили вокруг неё, шепча на крыльях слова, которые слышала только она. Морвена вскинула голову, в её усмешке мелькнула почти детская злость. Морвена всегда была похожа на рану, которая не успела зажить. Она росла в тени светлых создательниц, и каждый раз, когда слышала смех Элианы, чувствовала, как внутри неё что-то саднит, ноет. Не злоба – боль. Боль того, что её свет никто не хотел увидеть. Её учили приносить людям нужную им тьму, но никто не объяснил, почему эта роль делает её неприкасаемой. Каждая похвала Элианы звучала в её памяти как удар. Каждый светлый сон, что рождался в мире, был для неё напоминанием: её собственные крылья всегда будут чёрными.

– Ты не заслужила свободу, девочка из света, – сказала она в пустоту. – Я заберу её у тебя.

Талис не остановил её. Он лишь посмотрел, как её силуэт растворяется в тумане, и снова взял в руки ветви, продолжая плести свою бесконечную паутину.

А в лесу на другом конце королевства Элиана ещё не знала, что её смех и её наивность уже стали мишенью.

Глава 9

О мальчике, которому снились бабочки

«И каждая бабочка несла в себе кусочек света, что уходил из мира»

Кай шёл по тропе, и каждый его шаг отзывался в груди

тяжестью. Сначала он радовался тому, что наконец остался один. Слишком много было в этой девчонке из леса – её сме-ха, её болтовни, её непонятной открытости. Он чувствовал себя рядом с ней так, будто его пытаются втянуть в игру, в ко-торую он играть не собирался. Теперь всё снова стало про-сто: он и дорога. Но эта простота не приносила облегчения. Лес был слишком живым. Он не напоминал ни один из тех, что Кай пересекал раньше. Здесь всё дышало рядом с ним, но не с ним – словно деревья переговаривались друг с дру-гом за его спиной о том, что он чужой. Он двигался привыч-но осторожно, словно снова оказался в переулках родного города. Там нужно было видеть всё: кто стоит за углом, кто держит руку в кармане слишком крепко, кто подкрадывает-ся сзади. Но здесь его привычки не работали. Углов не было, людей – тоже, а ощущение погони не исчезало.

Кай остановился, наклонился и поднял камешек, бросил его в сторону. Камень упал в траву, и звук показался ему слишком громким, как будто земля сама ответила на вызов.

– Чёртов лес, – пробормотал он сквозь зубы. – зачем я сюда сунулся?

Ответа не было. Только ветер качнул верхушки сосен, и в этом шелесте было что-то такое, что он не захотел рас-шифровывать. Он выругался и пошёл дальше, крепче сжи-мая рукоять кинжала, спрятанного в кармане куртки. Юно-ша брёл дальше, и мысли сами возвращались туда, откуда он так хотел уйти – в замок, в комнату, где всё пахло воском

и холодным камнем. Слова наследника будто впились в память, как занозы: *«Мне нужны бабочки. Те, что приносят сны»*.

Кай усмехнулся про себя. Бабочки. Смешно. Всё его детство прошло среди криков торговцев, запаха тухлой рыбы и затхлых подвалов. Там не было места ни бабочкам, ни чудесам. Он с малых лет знал: мир грязный, жадный и глухой к мечтам. И всё же...

Он вспомнил одну ночь. Маленькая, дрожащая комнатуха в доме родителей, где сквозняк всегда гулял под крышей, а стены держались на честном слове. Он тогда не мог заснуть от голода. В животе пусто, губы сухие, мать что-то шептала отцу в соседней комнате – тихо, чтобы дети не слышали. Но Кай слышал каждое слово: о том, что завтра, может быть, придётся продать последние вещи.

Он лежал, уставившись в потолок, и вдруг увидел, как в маленькую щель окна влетела бабочка. Не простая, не та, что порхает над цветами. Она светилась мягким сиянием, как тёплый уголок в темноте. Крылья её были прозрачны, словно из стекла, и всё же она светилась изнутри. Бабочка села прямо на его руку. Он затаил дыхание, боясь спугнуть её. И вдруг стало легче. Тепло разлилось по телу, будто он не один в этой комнате, будто голод отступил, и можно просто закрыть глаза. И тогда он увидел сон. Настоящий, яркий, такой, каких у него не было раньше. В том сне он бежал по лугу, полный сил, за ним гнались братья и сестры, смеясь,

а впереди виднелся стол, накрытый едой. Хлеб, мясо, молоко – всего в изобилии. Он чувствовал запах и вкус, и живот переставал ныть. Когда он проснулся, бабочки уже не было. Только на коже остался след – лёгкая дрожь, будто крыло коснулось его по-настоящему.

С тех пор он больше никогда не видел её. И он убедил себя, что это был выдуманный сон, плод детского воображения. Потому что проще было верить в грязь и кнуты, чем в чудеса, которых никогда не повторялось. Но сейчас, когда наследник произнёс это слово – *бабочки* – воспоминание вырвалось наружу, как старый рубец, который вдруг начал болеть. Кай остановился, провёл рукой по лицу и выругался тихо.

– Чёртовы сказки.

Но в груди у него что-то горело. И он ненавидел это чувство – ненавидел, потому что оно делало его слабым. Он продолжал идти, стараясь вытолкнуть из головы все ненужные воспоминания, но мысли упрямо возвращались туда, где недавно оставил девушку. Её звонкий смех всё ещё эхом отзывался в ушах, и это раздражало.

Зачем я трачу на это время? – подумал он, обгоняя взглядом узкий проход между стволами. – *Она всего лишь девчонка, смешная, простая. Я здесь не ради таких встреч.*

Он вспомнил, как она говорила быстро-быстро, боясь паузы, и как упрямо пыталась удержать его разговором. Наивность. Чистая, детская наивность. И всё же в этой наивности

было что-то странное – не глупость, а сила. Словно ей и правда удавалось удерживать тишину леса смехом. Кай скривился.

– Чушь.

Он привык полагаться только на себя. Весь мир учил его одному правилу: не доверяй никому. Любой, кто протянет руку, рано или поздно попытается её сжать так, чтобы ты не мог вырваться. И всё же где-то глубоко сидела мысль, от которой он не мог избавиться: а что, если в её словах было хоть крупица правды? Что лес действительно кого-то «выбирает»? Что случайных встреч не бывает? Он оттолкнул её так же резко, как отталкивал любую слабость. *Нет. Это только игра. Девчонка хочет внимания – пусть ищет его дальше. У меня своё дело.*

Он крепче сжал рукоять кинжала, словно пытаюсь вернуть себе опору. Для него всегда всё было просто: либо цель, либо лишнее. И сейчас цель была одна – бабочки. Остальное не имеет значения. И всё же шаг его стал чуть медленнее, словно сам он этого не заметил. Сначала Кай не обратил внимания. Птицы замолчали – ну и что? Бывает. Ветер стих – тоже не впервой. Но чем дальше он шёл, тем яснее становилось: тишина слишком плотная, слишком правильная, словно кто-то выключил все звуки разом. Он остановился, прислушиваясь. Слева тянулась стена кустарника, справа – дубы, их ветви сплетались так густо, что под ними царил полумрак. Всё вокруг выглядело обыкновенно. Но внутреннее

чувство подсказывало: он не один. Он резко развернулся, кинжал уже был в руке.

– Покажись, – бросил он в пустоту.

Ответом стал лишь шелест – короткий, будто кто-то пробежал по ветвям, а потом стих. Кай нахмурился. Сердце билось чаще, но он не позволил себе шагнуть назад. Наоборот, сделал шаг вперёд, прямо в полумрак, проверяя каждую тень.

– Я не мальчишка, чтобы пугаться сказок, – сказал он вслух, больше для себя, чем для кого-то ещё.

И тут под ногой хрустнула ветка. Он опустил взгляд – и увидел след. Чёткий отпечаток лапы, но слишком крупный для лисы и слишком вытянутый для собаки. Он присел, провёл пальцем по земле. След был свежим. Совсем рядом. Спина покрылась холодом, но Кай выпрямился, сжал зубы и пошёл дальше. Если кто-то и следил за ним – пусть знает: он не собирается убегать.

Только лес будто усмехнулся в ответ: ветка над головой качнулась без ветра, и тень скользнула по его лицу, как чужая рука. Тишина леса, следы под ногами, шорохи в ветвях – всё это незаметно потянуло его память назад, туда, куда он не любил возвращаться. Но лес, казалось, подталкивал его к воспоминаниям, вытаскивая из глубины те куски, которые Кай давно пытался закопать. Он вспомнил тот день, когда в первый раз сбежал из дома. Ему тогда было лет десять. Вечером мать накрыла на стол – пустая миска, лишь вода

и хлебная корка. Отец сидел молча, сгорбившись, глаза его смотрели куда-то в пол, а младшие братья возились рядом, уже не жалуясь, привыкшие к пустоте.

Кай смотрел на всё это и вдруг ощутил, что не может больше. Он встал и вышел, хлопнув дверью так, что мать вскрикнула. На улице пахло сыростью и дымом, и город гудел привычной грязной жизнью. Он шёл быстро, не думая куда, пока не оказался на рынке. Там было шумно, ярко, пахло специями, рыбой, мясом. Он смотрел на эти горы еды и чувствовал, как изнутри его рвёт злость. Почему они голодают, а здесь у кого-то лишнее? И тогда он сделал первый выбор. Подкрался, выхватил с прилавка яблоко и побежал. Торговец закричал, погнался, кто-то попытался его схватить за руку, но он был слишком быстр. Впервые в жизни он чувствовал себя живым – потому что украл, потому что смог. Вернувшись домой, он сунул яблоко матери. Она смотрела на него долго, её глаза блестели от слёз, но не от радости. Она шепнула:

– Кай... это путь, с которого нет возврата.

Он не слушал. Ему было всё равно. В тот момент он решил: лучше быть вором и сытым, чем честным и голодным. Теперь, много лет спустя, в лесной тишине он слышал её голос так ясно, будто она стояла рядом. *«Это путь, с которого нет возврата».*

Кай сжал кулаки.

– Возвратов и не нужно, – сказал он глухо.

Но сердце сжалось. Он шёл всё дальше, но тропинка вдруг исчезла, будто её и не было. Только что под ногами лежала утоптанная земля, а теперь лишь трава и корни, клубящиеся, как змеи. Кай остановился, нахмурился, огляделся.

– Чёрт.

Он попытался пойти назад – туда, откуда пришёл. Но за несколько шагов понял, что всё вокруг изменилось. Деревья стояли плотнее, выше, их ветви переплетались над головой так, что свет почти не пробивался сквозь листву. Он ругнулся ещё раз и двинулся быстрее. Но каждый раз, когда думал, что узнал приметку – камень у корня, упавшую ветку, – оказывалось, что они уже встречались. Снова и снова.

– Лес издевается, – процедил он сквозь зубы.

Ему стало не по себе. В городе он знал все закоулки, каждый выход, каждую тропу для побега. Здесь же он чувствовал себя в западне. Воздух был густым, будто сам давил на плечи. Кай остановился, прислонился к стволу. Дерево было тёплым – странно тёплым, словно живым. Он отдёргнул руку и ощутил, что на спине пробежал холодок.

Это не обычный лес. И я в нём чужак.

Он резко поднял голову, как будто хотел крикнуть, но сдержался. Вместо крика вышептал:

– Хватит. Я ухожу.

Он сделал шаг – и прямо перед ним с ветки упала сухая коряга, преградив дорогу. Кай застыл. Потом медленно отступил назад. Внутри всё сжалось. Он понял, что лес слышит

его. И что, возможно, уйти отсюда так просто не получится. Кай уставился на корягу, лежащую у его ног. Сердце ещё билось быстрее обычного, но он резко фыркнул, словно смеясь над самим собой.

– Ветка, – пробормотал он, откидывая её носком сапога в сторону. – Всего лишь ветка.

Он шагнул вперёд, будто проверяя самого себя: вот, смотри, дорога свободна. Ничего особенного. Но внутреннее напряжение не отпускало.

Слишком удачно. Слишком вовремя.

Он тряхнул головой, будто хотел вытряхнуть из неё лишние мысли. В городе он всегда жил по правилу: верь только глазам. Слышать сказки про знаки и судьбу – удел детей и глупцов. А он выжил именно потому, что перестал быть ребёнком. И всё же шаг его стал тяжелее, чем прежде. Каждый новый звук заставлял прислушиваться, каждое движение тени казалось намёком. Он пробормотал себе под нос:

– Если деревья решили со мной поиграть, пусть играют. Я в их игры не верю.

Но слова прозвучали фальшиво, даже для него самого. Он продолжил путь, упрямо глядя только вперёд, делая вид, что не замечает, как лес будто смыкается за его спиной, словно не собирается выпускать его обратно. Он остановился резко, будто ударился о невидимую стену. Где-то впереди, меж стволов, что-то мелькнуло. Не звук – тень. Силуэт, слишком быстрый, чтобы разглядеть, но слишком крупный, чтобы

быть зайцем или лисой. Кай прищурился. Сердце снова ударило сильнее, ладонь скользнула к кинжалу. Секунда – и всё стихло. Лес стоял безмолвный, как камень. Никаких следов, ни хруста веток, ни шороха травы. Только воздух дрожал, будто совсем недавно что-то большое пронеслось в этих зарослях.

Он отступил шаг назад, а затем развернулся и пошёл в противоположную сторону, быстро и решительно. Он выберется отсюда. Сегодня, завтра – неважно. Главное, что он знает: дорога есть всегда. Её нужно только найти.

Завтра я уйду. Эта мысль стала опорой. Он повторял её про себя снова и снова, словно заклинание. Сегодня лес держит его в лапах, но завтра он найдёт выход.

Кай поднял голову, взглянул на полоску неба меж ветвей и усмехнулся. Но в глубине груди всё равно оставалось ощущение, что за каждым его шагом кто-то следит. Сумерки спускались медленно, но неотвратимо. Небо между ветвями наливалось густыми, тяжёлыми красками, и свет постепенно тонул в листьях. В городе ночь всегда приходила шумно: с криками пьяниц, с гулом поздних торговцев, с лаем собак. Здесь же тьма подбиралась тихо, осторожно, словно хищник крадёт к добыче. Кай остановился и понял, что дальше идти бесполезно. Он не знал дороги, не узнавал тропы, да и глаза скоро перестанут различать что-либо в темноте. Ночь накрывала лес, и выбора у него не оставалось.

Он усмехнулся, хотя усмешка вышла натянутой.

– Что ж. Ночь – старый друг.

Для вора ночь всегда была прикрытием, союзницей, подарком судьбы. В темноте легче спрятаться, легче исчезнуть. Но здесь, среди этих деревьев, ночь казалась другой. Она не скрывала, а наоборот – будто открывала глаза самому лесу. Каждый шорох становился громче, каждая тень – гуще, и в этой густоте скрывалось что-то чужое. Кай сел на поваленное бревно, кинжал положил рядом, но пальцы продолжали касаться рукояти. Внутри скреблось чувство – не страх, нет, скорее предчувствие. Как будто ночь знала, кто он, и собиралась проверить, достоин ли он пройти её испытание. Он вздохнул, уставился в темнеющее небо и пробормотал:

– Завтра уйду. Завтра.

Но в ответ тьма лишь сомкнулась плотнее, и казалось, что лес улыбается своей невидимой улыбкой. Он уже собирался опуститься на землю рядом с поваленным стволом. Дерево было широким, покрытым мхом, влажным от вечерней сырости, и в темноте оно казалось почти живым. Кай устало провёл рукой по лицу, стряхнул с себя липкие мысли о прошлом и попытался устроиться удобнее. Но именно в этот момент что-то мелькнуло впереди. Сначала он решил, что показалось. В глазах давно уже рябило от сумерек, и любое движение листвы могло превратиться в игру света. Но это было не просто отблеск. Где-то среди густых зарослей, далеко, но так, что глаз всё же мог зацепиться, промелькнул мягкий свет. Он не был похож на огонь костра. Слишком

ровный, слишком спокойный. Не пламя, а скорее дыхание – ровное, мягкое, мерцающее. Свет то исчезал, то появлялся снова, будто звал к себе, но не навязчиво, а осторожно, как если бы боялся спугнуть.

Кай напрягся, приподнялся с бревна. Его рука привычно легла на кинжал. Внутри боролись два чувства: осторожность и странное, тянущее любопытство. *Факел? Патруль?* – мелькнула мысль. Но нет, факелы горят иначе: жёлтым, рыжим, всегда неровно. А это свечение было холоднее и чище, будто капля лунного света упала в гущу леса и застряла там.

Кай нахмурился. Он сделал шаг вперёд – неосознанный, словно тело само решило подойти ближе, хотя разум требовал остаться на месте. Но свет исчез, будто и не было. Осталась лишь тьма, густая и вязкая. Кай выругался сквозь зубы, откинулся назад и сел снова на поваленный ствол. Он говорил себе, что всё это усталость, что глаза обманывают, что ночь и тишина действуют на мозг сильнее, чем он привык. Но сердце билось слишком быстро для простой усталости. Он улёгся на землю, положил руки под голову и смотрел вверх, где меж кронами деревьев мерцали первые звёзды. Веки тяжелели, но где-то на краю сознания всё ещё горел тот свет. Он не уходил, он будто ждал.

Но в глубине души он уже знал: этот лес и его странные огни не собирались отпускать его так легко. Он лежал долго, упрямо закрыв глаза, но свет продолжал жить внутри век, как заноза. Чем сильнее он пытался забыть, тем отчётливее

видел то мягкое сияние, зовущую дрожь в воздухе. Наконец Кай резко сел, будто стряхивая сон, и выругался тихо.

– Ладно. Пусть будет.

Он поднялся и двинулся вперёд, туда, где когда-то промелькнуло мерцание. Каждый шаг отзывался в груди, словно он идёт не по лесу, а вглубь самого себя. Ветки цеплялись за плечи, трава шуршала под сапогами, но он не останавливался. И вот снова – свет. Уже ближе, ярче, он пробивался сквозь стволы, мягкий и ровный, как дыхание.

Кай замер, сердце забилося быстрее. Он прищурился. Там, в глубине, среди мерцающей пелены, возникла фигура. Женский силуэт – лёгкий, будто сотканный из тумана и лунного света. Вокруг неё порхали крошечные искры, похожие на живые огоньки, и они складывались в узор – крылья бабочек. Кай зажал дыхание. Словно боялся, что если вдохнёт слишком резко – всё исчезнет. Фигура чуть склонила голову, и свечение вокруг стало ярче, мягко окутывая её. Бабочки кружились в медленном танце, и это было так нереально, что он на миг забыл, где находится.

Неужели... это и есть то, что он искал?

Но прежде чем он успел подумать дальше, тьма сомкнулась вокруг, и лес шепнул – глухо, словно предупреждение.

Глава 10

О той, кто слышал язык деревьев

«Деревья говорят медленно. Но те, кто умеют слушать, слышат будущее»

После того, как вор ушел

Её домик всегда казался продолжением леса, а не чем-то отдельным. Он был построен из ветвей, корней и камней, которые сами нашли своё место. Вечером, когда тьма мягко стекала по стволам деревьев и укладывалась у порога, в домике загоралась единственная свеча. Её свет был неровным, но тёплым: он переливался, отражался на стеклянных баночках с сушёными травами, оставлял блики на стенах, где корни прорастали прямо внутрь. Пол был устлан мхом. Он был мягким, прохладным, с лёгким запахом сырости, и каждый её шаг звучал как шёпот. Иногда Элиана ложилась прямо на него, глядя в потолок, и тогда казалось, что она не в доме, а всё ещё в сердце леса, укрытая зелёным одеялом. На полках в беспорядке стояли пучки сухих цветов, листья, маленькие кувшинчики с маслом и настойками. Здесь не было богатства или украшений, но всё дышало уютом. Это было жилище, которое не строили руками, а вырастили вместе с лесом. Возле стены, свернувшись клубком, дремал Руфин. Его рыжая шерсть блестела в отблеске свечи, уши подрагивали – он, казалось, слышал даже то, что ещё не произошло. Иногда он приоткрывал один глаз, следя за Элианой, но чаще просто отдыхал, позволив себе редкую минуту спокойствия.

Элиана ходила по дому легко и тихо, словно не касалась пола. Она поправила свечу, чтобы огонь не трепетал слишком сильно, переложила несколько пучков трав – то ли по привычке, то ли просто чтобы руки были заняты. В её

движениях было что-то детское, простое, как будто она играла с самой обстановкой, а не заботилась о порядке.

И всё же этот вечер был особенным. В воздухе стояла особая тишина, и даже Руфин, обычно храпящий носом, дышал слишком внимательно. Элиана медленно подошла к столу, на котором лежали цветы. Они были собраны утром – лилии, васильки, маленькие полевые колокольчики. Каждый из них уже слегка увял, но в этом и заключалась их тайна: цветы, которые прожили день, лучше отзывались на её прикосновения. Она перебирала их осторожно, будто касалась не лепестков, а воспоминаний.

– Спасибо, – шептала она каждому, прижимая к губам. – Спасибо за то, что сегодня вы радовали лес и тех, кто проходил мимо.

Она говорила негромко, но лес слышал. Казалось, ветви за окном слегка шевельнулись, словно отвечая ей. На поляну она вышла босиком, держа цветы в руках. Трава холодила ноги, и каждая её ступень отзывалась лёгкой дрожью в теле. Луна уже поднималась высоко, и её свет ложился на всё вокруг серебряной вуалью.

Элиана остановилась в центре поляны, выпрямилась, подняла лицо к небу и закрыла глаза. Она чувствовала, как лес дышит вместе с ней: каждый вдох становился глубже, каждая тень тянулась к ней ближе.

– За каждый сон – моя благодарность, – произнесла она шёпотом. – За каждый светлый взгляд ребёнка утром – моя

радость. За каждое сердце, что забудет о бедах на одну ночь – моё дыхание.

Она сложила цветы в маленький венок и положила его на траву у ног, как символ подношения. Руфин сел неподалёку и наблюдал за ней, его глаза светились в темноте янтарём. Лис ничего не сказал, но его тишина сама по себе была согласием и признанием её слов. Элиана медленно развела руки в стороны, словно собирая силу. Она знала, что скоро боль снова войдёт в её тело, как нож. Но пока всё было спокойно – и это мгновение перед началом всегда казалось самым чистым. Элиана сделала глубокий вдох, и почти сразу привычная тяжесть сжала её грудь. Сначала лёгкая, похожая на тихое покалывание, она быстро превратилась в острый толчок. Сердце забилось чаще, будто не справляясь с ритмом, дыхание стало рваным. Каждый вздох отзывался жжением, как если бы холодный воздух превращался внутри в огонь.

Она закрыла глаза, позволяя боли пройти через себя, не сопротивляясь. Это было её условие, её долг. Лес дарил ей силу, но расплачиваться приходилось самой. Руфин тихо фыркнул, будто возмущаясь. Его янтарные глаза следили за ней с тревогой. Но Элиана улыбнулась – не ему, а самой себе, чтобы напомнить: эта боль знакома, её можно выдержать.

И тогда из её груди начал проступать свет. Сначала еле заметный, будто сердце отражало лунный отблеск. Затем ярче, свет собирался у ключиц, растекался по плечам, медлен-

но спускался по рукам. На ладонях Элианы возникли первые хрупкие очертания. Тончайшие, почти прозрачные крылья задрожали в воздухе, и маленькая бабочка поднялась вверх. За ней – вторая, третья. Они рождались одна за другой, разноцветные, каждая со своим узором, и взлетали в ночное небо, мягко подсвечивая его.

Боль становилась сильнее, но вместе с ней появлялась и лёгкость – будто часть тяжести уходила вместе с бабочками, растворяясь во сне, который они несли.

Элиана прижала ладони к груди и прошептала:

– Летите... найдите их. Найдите тех, кто ждёт вас.

Бабочки разлетались в разные стороны, оставляя за собой мерцающий след. Когда боль сдавила её грудь сильнее, Элиана не стала бороться с ней. Она знала: легче всего перенести её тогда, когда думаешь не о себе, а о других. И потому в этот вечер она представила мальчика. Совсем маленького, с растрёпанными волосами и уставшими глазами, которые никак не могли закрыться. Она видела его, как будто стояла рядом с его постелью: узкая кровать, старое одеяло, за окном – шумный посёлок. Мальчик ворочается, кусает губу, прячет лицо в подушку, но сон к нему не приходит.

Элиана улыбнулась сквозь боль.

– Сегодня – для тебя, – прошептала она.

В груди зажглось тепло. Оно смешалось с жжением, но не уничтожило его, а превратило в нечто иное – в свет. Её дыхание было рваным, но глаза сияли. Из этого света выле-

тела бабочка – крошечная, нежно-голубая, с крыльями, переливающимися, будто утреннее небо. Она дрожала в воздухе, словно ждала разрешения. Элиана протянула ладонь, и бабочка мягко коснулась её пальцев, оставив лёгкое, едва уловимое касание.

– Лети, – сказала она. – Покажи ему, что мир умеет быть добрым.

Бабочка взмыла вверх и растворилась в ночи, словно капля света, унесённая ветром. Одна за другой появлялись новые – розовые, белые, золотистые, каждая несла с собой сон, и Элиана на миг почувствовала, что вся боль стоит этих крыльев, этой надежды. Когда последняя бабочка поднялась в воздух и растворилась в сумраке, Элиана опустилась на траву, обхватив колени руками. Сердце ещё колотилось так, будто пыталось вырваться наружу. Щёки были горячими, а дыхание всё никак не могло выровняться. Но улыбка не сходила с её лица: та самая тихая, светлая, в которой было больше благодарности, чем радости. Руфин подошёл ближе, мягко ступая по траве. Его хвост, обычно беспокойный, теперь бил воздух медленными, раздражёнными движениями. Он опустил морду рядом с её коленями, прищурил глаза и произнёс хриловатым голосом, который могла слышать только она:

– Ты улыбаешься, будто тебе не больно.

Элиана посмотрела на него сверху вниз и протянула руку, чтобы погладить шерсть за ушами. Лис недовольно дёрнул

ухом, но не отстранился.

– А разве это плохо? – мягко спросила она. – Я ведь всё равно справляюсь.

Руфин фыркнул.

– Мне впервые настолько больно наблюдать за этим ритуалом.

Элиана засмеялась – звонко, почти по-детски, и ветер тут же подхватил её смех, понёс по поляне.

– Но зато ты каждый вечер ворчишь, а всё равно остаёшься рядом. Это ведь тоже что-то значит, правда?

Лис прищурился ещё сильнее.

– Это значит, что без меня ты давно бы решила, что боль – это игрушка. А боль не игрушка, Элиана.

Она наклонилась к нему ближе, коснулась лбом его головы и прошептала:

– Знаю. Но если я не буду улыбаться, то лесу будет ещё тяжелее. А он и так берёт часть моей боли на себя.

Руфин вздохнул. В его глазах сверкнуло раздражение, но за ним скрывалась забота, которую он сам себе не признавал.

– Ты слишком упрямая, – буркнул он. – Когда-нибудь это тебя погубит.

Элиана поднялась, опираясь на руки, и протянулась к небу, где вдалеке ещё мерцали огоньки её бабочек.

– Или спасёт, – сказала она и улыбнулась снова.

Тишина накрыла поляну слишком внезапно. Ещё миг на-

зад ветер шевелил листву, трава тихо шуршала, а теперь всё застыло, будто лес задержал дыхание. Элиана подняла голову и прислушалась. Такое случалось редко – лес молчал не просто так. Это всегда было знаком. Она провела пальцами по венку из цветов, оставленному у ног, и в памяти всплыло то, что когда-то рассказывал ей сам лес.

Создательницы.

Она не была единственной. Где-то далеко, за реками и холмами, в других краях жили такие же, как она: дети леса, рождённые, чтобы дарить людям сны. Каждый лес хранил свою, и каждая из них знала только свой край, но связи между ними существовали. Если с одним лесом что-то случилось, остальные чувствовали это.

Люди говорили о них в легендах – одни с восхищением, другие с насмешкой. Кто-то верил, что именно создательницы делают мир светлее, кто-то считал это сказками для детей. А многие и вовсе боялись их, думая, что бабочки несут не только радость, но и смерть. Элиана знала одно: они рождены не для себя. Их сердца – сосуды, из которых выходят сны. И каждая бабочка – это кусочек их жизни, отданный людям.

Она вздохнула и прошептала в темноту:

– Где-то сейчас одна из нас тоже выпускает своих бабочек.

Интересно, слышит ли она тишину так же, как я?

Руфин настороженно приподнял голову. Его шерсть чуть взъерошилась.

– Лес предупреждает тебя, – сказал он низким голосом. – В его тишине есть чужак.

Элиана сжала пальцы, чувствуя, как по спине пробежала лёгкая дрожь. Но в глазах всё ещё оставалось мягкое сияние.

– Чужак... или гость, – ответила она. – Иногда разница невелика.

Элиана поднялась с травы и сделала несколько шагов к краю поляны. Луна освещала её плечи, но за деревьями уже густела ночь. Она вглядывалась в темноту, и сердце вдруг сжалось, будто предостерегая: там, за линией света, кто-то был. Обычно лесное молчание не пугало её. Она знала каждый звук, каждую тень, могла отличить шаг оленя от прыжка зайца, могла услышать дыхание совы, сидящей на ветке. Но сейчас тьма казалась иной: в ней таилось что-то чужое, тяжёлое.

Элиана прижала ладони к груди, где всё ещё отзывалась боль от бабочек. Она шепнула, будто самой себе:

– Лес... кто это?

В ответ не прозвучало слов. Только лёгкий холод пробежал по коже, как если бы дыхание леса стало резким и настороженным. Тень мелькнула на краю зрения. Быстрая, человеческая. Элиана вздрогнула и сделала шаг назад. Её смех, обычно лёгкий и звонкий, исчез. Внутри поселился страх. Он был новый, почти детский – ведь до этого она никогда не сталкивалась с людьми так близко, не чувствовала их в лесу ночью. Руфин поднялся, шерсть на его загривке встала

дыбом. Его низкое рычание прорезало тишину:

– Это не зверь.

Элиана знала: если Руфин говорит так, значит, опасность близка. Но всё же, вместо того чтобы убежать, она вглядывалась в темноту, будто надеялась разглядеть не врага, а ответ. Обычно после ритуала на поляне оставалось лёгкое сияние: бабочки улетали не все сразу, а по одной, и ещё долго светились в вышине, словно маленькие звёзды. Но в этот вечер они исчезли быстрее. Едва поднялись в воздух – и растворились в ночи, будто их позвал кто-то другой, более сильный, чем она сама.

Элиана вытянула руки, словно пытаясь задержать их, но пальцы схватили лишь холодный воздух. Последняя искра света мелькнула в темноте и погасла. И тогда лес стал по-настоящему чёрным. Элиана моргнула, пытаясь привыкнуть к темноте, но ничего не менялось: тени сливались в сплошную стену, и даже луна будто скрылась за облаками. Тишина была густой, почти вязкой. Она впервые почувствовала, что лес не рядом с ней, а напротив – отстранился. Как будто оставил её одну, чтобы она сама справилась с тем, что пришло.

Элиана обхватила плечи руками. Стало холоднее. В груди снова кольнула боль – не та, что от бабочек, а другая, незнакомая: тяжесть одиночества. Руфин подошёл ближе, прижался боком к её ногам. Его шерсть была тёплой, и всё же этого тепла не хватало.

– Почему они так быстро ушли? – шепнула она, не отрывая взгляда от темноты.

Лес молчал. И в этом молчании было не успокоение, а странное предчувствие, от которого сердце билось всё быстрее.

Кай брёл по тропе, и свет всё ещё не отпускал его. Он уже решил, что это всего лишь игра воображения, усталость и ночь, но шаги сами вели его глубже.

И вдруг он остановился. Сквозь ветви, далеко впереди, он увидел её. Девушку. Она стояла на поляне, окружённая тьмой, и свет исходил именно от неё – мягкий, переливчатый, похожий на дыхание звёзд. Её волосы сияли, словно золотые нити, уловившие каждую каплю лунного света, а вокруг неё ещё недавно порхали крошечные огни, похожие на бабочек.

Кай замер. Рука сама потянулась к кинжалу, но он так и не вытащил его.

Этого не может быть.

Он прищурился, шагнул ближе, но остановился снова. Всё выглядело слишком правильно, слишком чисто, словно перед ним – сон, а не явь.

– Нет... – прошептал он. – Этого не бывает.

И всё же фигура не исчезала. Она стояла на поляне, и даже сквозь расстояние он видел: она настоящая. Настоящая и невозможная.

Кай резко выдохнул, словно боясь потерять дыхание. *Если*

это сон, значит, я не хочу просыпаться.

Но сказать вслух он не решился. Кай стоял в тени и не отрывал взгляда от девушки. Свет вокруг неё не исчезал, наоборот – казалось, сама ночь оберегала её, не позволяя тьме прикоснуться слишком близко. Он видел, как её плечи вздрагивали, как она держала руки у груди, и от этого видения внутри что-то сдвинулось.

Значит, всё правда.

Его губы тронула горькая усмешка. Столько лет он смеялся над сказками, а теперь вот она – легенда из уст старух и детей, стоящая на поляне и выпускающая из сердца свет. Он наклонился вперёд, цепко всматриваясь в каждую деталь: волосы, мерцающие в лунном сиянии, прозрачность кожи, лёгкость движений. Никаких сомнений больше не оставалось. Именно она. Источник.

Вот где рождаются бабочки.

Мысль ударила в голову, холодная и точная. Бабочки реальные, а значит – реальна и награда, которую пообещал наследник. Но чтобы приблизиться к ним, нужно приблизиться к ней. Кай сжал кулаки и едва слышно сказал самому себе: – Что ж... если лес выбрал меня, значит, я сыграю по его правилам.

Он сделал шаг назад, растворяясь в темноте, чтобы она не заметила его. Но в его голове уже складывался план: найти способ сблизиться с девушкой, войти в её доверие. Ведь только так он сможет заполучить то, ради чего пришёл.

Глава 11

О появлении, что изменило дыхание мира

«Мир всегда чувствует приход прежде людей – в трещинах земли и дрожи ветра»

Далекое прошлое

Всё началось в ту ночь, когда лес дышал так тихо, будто боялся разрушить мгновение. Воздух был наполнен сладковатым запахом влажной земли и едва уловимым сиянием, которое струилось от Древа Памяти – старой ивы, стоящей посреди небольшого пруда. Её длинные ветви свисали к воде, а на них покоились сотни бабочек – прозрачных, будто сотканных из лунного света. Но среди них оставалась одна – последняя. Её крылья дрожали, отражая свет так, что казалось, будто она хранит в себе не просто жизнь, а дыхание самого мира. Это была последняя бабочка прежней Создательницы, последняя искра её сердца. Она поднялась с ветви, и с каждым взмахом её крыльев воздух становился гуще, наполняясь золотыми частицами. Лес затих. Даже вода в пруду перестала колыхаться. Вся природа будто склонилась в ожидании.

Бабочка опустилась к корням ивы, к месту, где пересекались свет и тьма. Её тело засияло ярче – и в ту же секунду начало растворяться, оставляя после себя не пустоту, а мягкое, живое сияние. Из этого света, из самого сердца бабочки, начало расти нечто новое. Сначала – дыхание. Потом – очертания. И вот уже среди золотого тумана появилась она.

Элиана.

Она стояла босиком в воде, длинные волосы, цвета утреннего солнца, мягко колыхались от ветра. Капли света стекали по её коже, превращаясь в маленькие искорки, падающие в пруд. В глазах её отражались ветви ивы и луна, висящая над миром, будто молчаливый свидетель рождения. Она не говорила. Только смотрела вокруг, будто впервые открывала глаза не только на лес, но и на саму жизнь. Её дыхание было лёгким, как взмах крыла. Её сердце билось в такт земле.

Лес узнавал её. Птицы, притаившиеся в ветвях, тихо запели. Рыбки, белые и светящиеся, кружили в воде, рисуя узоры света вокруг её ног. Ива дрожала, словно смеялась и плакала одновременно – ведь каждая новая Создательница рождалась из сердца предыдущей, и в этой тишине было и прощание, и начало.

Элиана подняла взгляд к ветвям, где ещё недавно покоилась та бабочка. И в этот миг лёгкий луч света опустился с неба – не солнечный, не лунный, а тот самый, из которого рождаются чудеса. Он коснулся её лба, и мир вокруг снова задышал.

Так лес обрёл новую душу. Так началась её история.

Она не знала слов, не знала себя – только чувствовала тихое биение сердца, как эхо в глубинах земли. И вдруг этот ритм нарушило лёгкое шуршание – как будто тень прошла сквозь траву.

Из-за ветвей вышел лис. Старый, с густой рыжей шерстью,

в которой отражались отблески луны. Его глаза были не звериными – в них была глубина и усталость, которую может знать только тот, кто видел слишком много смен времён. Он остановился у самого берега, посмотрел на неё и долго молчал.

– Ты появилась, – наконец произнёс он. Его голос был низкий, шершавый, будто говорил сам лес. – Я ждал тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.